

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 52 ДЕКАБРЬ 1981

Москва, Кремль. 18 декабря 1981 г.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
В. КУЗНЕЦОВ.
М. ГЕОРГАДЗЕ.

ТОВАРИЩУ БРЕЖНЕВУ ЛЕОНИДУ ИЛЬИЧУ

Дорогой Леонид Ильич!

В день Вашего семидесятилетия мы обращаемся к Вам, нашему товарищу и другу, с самыми сердечными приветствиями и горячо поздравляем с высокой наградой Родины.

Важнейшие вехи в советской истории нашей страны — это и вехи Вашей биографии. Коллективизация, индустриализация, создание основ социализма — во всех этих великих, неслыханных по новизне делах есть доля труда коммуниста ленинской школы Леонида Ильича Брежнева. Еще тогда проявилось Ваше дарование выдающегося политического руководителя. Сполна Вы познали и ратный труд. С первого трагического дня войны до славного Дня Победы Вы находились в рядах Действующей армии, героически сражались с гитлеровскими захватчиками. Славными этапами Вашего жизненного пути стали участие в возрождении народного хозяйства, легендарная целинная эпопея, организация первых в мире космических исследований, другие большие свершения.

Шестьдесят лет назад началась Ваша трудовая деятельность. Вот уже пятьдесят лет Вы состоите в рядах Коммунистической партии. И поистине справедливы Ваши слова: «...Каждый день моей жизни неотделим от тех дел, которыми жили и живут наша Коммунистическая партия, наша Советская страна».

Вас, славного сына советского народа, всегда отличала забота о его благе. За каждым вопросом Вы видите интересы людей и учитесь этому других.

Вы, Леонид Ильич, обладаете искусством объединять людей, настраивать их на дружную коллективную работу. Вам присущ редкий талант замечать способности каждого товарища, находить им лучшее применение.

Занимаясь теми или иными проблемами, Вы избегаете ненужной спешки, стремитесь добираться до самой сути дела. Глубокую идейность, верность марксистско-ленинским идеалам Вы соединяете с непримиримостью ко всякой косности, к застою. Это дает постоянные творческие импульсы работе Центрального Комитета КПСС, деятельности всей нашей партии.

Вот уже семнадцать лет Вы вносите определяющий вклад в политику КПСС и Советского государства.

Вам, Леонид Ильич, принадлежит историческая заслуга в преодолении субъективизма и волюнтаризма, в создании здоровой морально-политической атмосферы в партии и в стране. Бережное отношение к людям, нетерпимость к любым несправедливостям, доверие и требовательность, деловитость и смелые поиски — вот стиль, который господствует в нашем обществе. Этот стиль коммунисты с полным

основанием связывают с Вашей деятельностью, Леонид Ильич.

По Вашей инициативе осуществлены широкие меры, направленные на дальнейшее развитие советской государственной системы, углубление социалистической демократии. Все это нашло отражение в Конституции СССР 1977 года, которую с полным основанием можно назвать выдающимся демократическим документом современности.

Выдвинутые Вами установки на интенсификацию промышленности и сельского хозяйства, повышение эффективности производства, подъем на качественно новый уровень культуры труда стали платформой действий всех трудящихся. Хорошо известно, какое значение придаете Вы приумножению духовных богатств общества, созданию самых благоприятных условий для развития науки, культуры, искусства.

В течение десятилетий Вы уделяете огромное внимание обороноспособности нашего государства и, являясь Председателем Совета Обороны, добились того, что мирный труд советского народа, его друзей и союзников надежно обеспечивается.

Сотни миллионов людей на всех континентах хорошо знают Вас как поборника дела мира и дружбы между народами. Вы являетесь творцом программ мира XXIV, XXV и XXVI съездов КПСС, которые открывают новые горизонты в мировой политике. Нет в наше время другого государственного и политического деятеля, который бы так много сделал для укрепления мира, как Вы. Связанная с Вашим именем политика разрядки международной напряженности, Ваша неустанная самоотверженная борьба против угрозы мировой ракетно-ядерной войны встречают полную поддержку советских людей, широкое понимание всех народов земли.

Неоценимо то, что Вы сделали и продолжаете ежедневно делать для процветания нашей великой Родины, для торжества идей коммунизма. На XXVI съезде КПСС Вами поставлены новые большие задачи перед коммунистами, перед всеми советскими трудящимися. Разрабатываются производственная, энергетическая и другие программы, призванные преодолеть имеющиеся трудности и эффективно послужить благу народа, его счастью.

Выражая мысли и чувства коммунистов нашей страны, всех советских людей, мы от души желаем Вам, дорогой Леонид Ильич, крепкого здоровья, неиссякаемой энергии и бодрости духа. Мы уверены, что Ваша политическая мудрость, Ваш богатый опыт руководителя и впредь будут служить интересам нашей партии и народа, делу мира и социального прогресса.

Центральный Комитет

Президиум

Совет
Министров

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР, Маршала Советского Союза товарища Брежнева Леонида Ильича орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза

За выдающиеся заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством в деле укрепления экономического и оборонного могущества Советского Союза, большой личный вклад в достижение Победы над немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны, восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства СССР в послевоенный период, неутомимую деятельность в борьбе за мир, за плодотворное

руководство коммунистическим строительством и в связи с семидесятилетием со дня рождения наградить Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР, Маршала Советского Союза товарища Брежнева Леонида Ильича орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза.

Первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР
В. КУЗНЕЦОВ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль. 18 декабря 1981 г.

При вручении награды.

ЗА ВЫДАЮЩИЕСЯ ЗАСЛУГИ ПЕРЕД

ВРУЧЕНИЕ ТОВАРИЩУ Л. И. БРЕЖНЕВУ ВЫСШЕЙ НАГРАДЫ РОДИНЫ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 52 (2841)

26 ДЕКАБРЯ 1981

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», «Огонек», 1981

19 декабря в Большом Кремлевском дворце в торжественной обстановке Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу была вручена высшая награда Советского Союза — орден Ленина и медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза.

Награду вручил член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов.

При вручении награды были товарищи Ю. В. Андропов, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, Д. А. Кунаев, А. Я. Пельше, Г. В. Романов, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, В. В. Щербицкий, Г. А. Алиев, П. Н. Демичев, Т. Я. Киселев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Э. А. Шеварднадзе, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимяннин, К. В. Русаков.

В зале присутствовали прибывшие в Москву руководители коммунистических и рабочих партий социалистических стран — товарищи Густав Гусак, Тодор Живков, Янош Кадар, Эрих Хонеккер, Юмжагийн Цеденбал, Николае Чаушеску.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

КПСС И СОВЕТСКИМ ГОСУДАРСТВОМ

При вручении награды выступил тов. М. А. Сулов. Он, в частности, сказал:

— Можно без преувеличения сказать, что вся Ваша жизнь — это жизнь вместе с партией, вместе с народом, жизнь для народа. Заводской цех, крестьянское поле — адреса, где Вы постигали науку жизни, где Вам стали близки помыслы и чаяния трудящихся. Землеустроитель, инженер-металлург, советский, партийный работник — важные вехи Вашей богатой трудовой биографии. Восстановление разрушенного войной хозяйства, подъем и освоение бескрайних целинных просторов, осуществление грандиозной космической эпопеи — все эти свершения происходили при непосредственном Вашем участии, им Вы отдавали тепло своего сердца, созидательную энергию, яркий талант выдающегося руководителя.

Тов. М. А. Сулов огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Леонида Ильича Брежнева орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза и под продолжительные аплодисменты присутствующих вручил ему эти награды.

С ответной речью выступил тов. Л. И. Брежнев. Он, в частности, сказал:

— Сердечное спасибо за высокую награду и за добрые слова. Это проявление внимания и уважения к твоему труду трогает до глубины души. Оно укрепляет уверенность в том, что за долгие годы работы удалось сделать кое-что полезное для партии, для народа. Все это придает новые силы и бодрость духа.

Речи товарищей М. А. Сулова и Л. И. Брежнева были выслушаны с вниманием и встречены продолжительными аплодисментами.

Члены Политбюро ЦК КПСС, кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС, секретари ЦК КПСС, другие советские партийные деятели, руководители коммунистических и рабочих партий социалистических стран горячо и сердечно поздравили Леонида Ильича Брежнева с высшей наградой Родины и его юбилеем. Они пожелали товарищу Л. И. Брежневу новых успехов в его плодотворной деятельности на ответственных постах Генерального секретаря ЦК КПСС и главы Советского государства, на благо советского народа, во имя дальнейшего укрепления позиций мирового социализма, всеобщего мира и социального прогресса.

При вручении наград.

ВРУЧЕНИЕ ТОВАРИЩУ Л. И. БРЕЖНЕВУ

В Большом Кремлевском дворце 18 декабря в торжественной обстановке состоялось вручение Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу по случаю его семидесятилетия со дня рождения высоких наград Народной Республики Болгарии, Венгерской Народной Республики, Германской Демократической Республики, Монгольской Народной Республики, Социалистической Республики Румынии, Чехословацкой Социалистической Республики.

В зале находились члены Политбюро ЦК КПСС Ю. В. Андропов, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, Д. А. Кунаев, А. Я. Пельше, Г. В. Романов, М. А. Сулов, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, В. В. Щербицкий, кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС Г. А. Алиев, П. Н. Демичев, Т. Я. Киселев, В. В. Кузнецов,

Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Э. А. Шеварднадзе, секретари ЦК КПСС И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, К. В. Русаков.

Генеральный секретарь ЦК Болгарской коммунистической партии, Председатель Государственного совета Народной Республики Болгарии Т. Живков вручил Л. И. Брежневу в третий раз Золотую Звезду Героя Народной Республики Болгарии и орден Георгия Димитрова.

Первый секретарь ЦК Венгерской социалистической рабочей партии Я. Кадар вручил товарищу Леониду Ильичу Брежневу орден Знамени Венгерской Народной Республики с алмазами.

Генеральный секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии, Председатель Государственного совета Германской Демократиче-

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

НАГРАД СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

ской Республики Э. Хонеккер объявил о присвоении Л. И. Брежневу почетного звания «Герой Германской Демократической Республики» и наградил его орденом имени Карла Маркса.

Генеральный секретарь ЦК Монгольской народно-революционной партии, Председатель Президиума Великого Народного хурала Монгольской Народной Республики Ю. Цеденбал вручил Л. И. Брежневу орден Сухэ-Батора и медаль «Золотой Соемб» Героя Труда Монгольской Народной Республики.

Генеральный секретарь Румынской коммунистической партии, Президент Социалистической Республики Румынии Н. Чаушеску вручил Л. И. Брежневу высокий орден Социалистической Республики Румынии «Победа социализма».

Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Чехословакии, Президент Чехословацкой Социалистической Республики Г. Гусак вручил Л. И. Брежневу высшие чехословацкие награды — Золотую Звезду Героя ЧССР и орден Клемента Готвальда.

Выступления руководителей братских стран были встречены аплодисментами.

Затем с речью выступил товарищ Л. И. Брежнев.

Присутствовавшие сердечно поздравили товарища Л. И. Брежнева с высокими наградами и семидесятилетием со дня рождения. Они пожелали Леониду Ильичу дальнейших успехов в его многогранной деятельности по упрочению сплоченности стран социалистического содружества, укреплению единства международного коммунистического и рабочего движения, во имя мира и счастья всего человечества.

ВРУЧЕНИЕ ВЫСШЕЙ НАГРАДЫ АФГАНИСТАНА

Во время вручения награды.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

ВЕРНЫЙ ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ВЕЛИКОГО ЛЕНИНСКОГО

ПРИЕМ В КРЕМЛЕ В СВЯЗИ С 75-ЛЕТИЕМ Л. И. БРЕЖНЕВА

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР 19 декабря в Георгиевском зале Кремля устроили прием по случаю семидесятилетия Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева.

Продолжительной овацией участники приема встречают Леонида Ильича Брежнева.

Присутствующие приветствуют товарищей Ю. В. Андропова, М. С. Горбачева, В. В. Гришину, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, Д. А. Кунаева, А. Я. Пельше, Г. В. Романова, М. А. Суслова, Н. А. Тихонова, Д. Ф. Устинова, К. У. Черненко, В. В. Щербицкого, Г. А. Алиева, П. Н. Демичева, Т. Я. Киселева, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, Ш. Р. Рашидова, М. С. Соломенцева, Э. А. Шеварднадзе, И. В. Капитонова, В. И. Долгих, М. В. Зимянина, К. В. Русакова.

В зале — члены ЦК КПСС, министры СССР, руководители центральных ведомств, заведующие отделами ЦК КПСС, представители союзных республик, военачальники, видные деятели науки и культуры.

По-братски сердечно участники приема приветствуют прибывших в Москву на юбилейные торжества руководителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран — товарищей Густава Гусака, Тодора Живкова, Яноша Кадара, Эриха Хонеккера, Юмжигийна Цеденбала, Николае Чаушеску.

Здесь же — Первый секретарь ЦК Иракской коммунистической партии Азиз Мухаммед, Первый секретарь ЦК Коммунистической пар-

тии Уругвая Родней Арисменди, Генеральный секретарь Коммунистической партии Чили Луис Корвалан, член Политбюро ЦК Сирийской коммунистической партии Омар Сибай, президент Всемирного Совета Мира Ромеш Чандра.

От имени ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР прием открыл член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов.

Продолжительными аплодисментами были встречены его слова:

— Товарищи, друзья! Мы рады, что можем сегодня горячо и сердечно поздравить с днем рождения всем нам дорогого Леонида Ильича Брежнева — верного ленинца, выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства, международного коммунистического движения, последовательного и настойчивого борца за мир и коммунизм.

Выражая чувства всех присутствующих, М. А. Суслов поднял тост «за дорогого Леонида Ильича, за его здоровье и счастье, за большие свершения в его неутомимом труде».

Участники приема встают и встречают заключительные слова речи тов. М. А. Суслова долго не смолкающей овацией. Леониду Ильичу и его супруге Виктории Петровне пионеры вручают цветы.

С сердечными поздравлениями, горячими словами приветствия к юбиляру обратились первый секретарь Московского горкома КПСС тов. В. В. Гришин, первый секретарь ЦК Компартии Украины тов. В. В. Щербицкий, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана тов. Д. А. Кунаев, Генеральный секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии, Предсе-

датель Государственного совета ГДР тов. Э. Хонеккер, Председатель Совета Министров РСФСР тов. М. С. Соломенцев, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС тов. Г. В. Романов, министр обороны СССР Маршал Советского Союза тов. Д. Ф. Устинов, Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Чехословакии, Президент ЧССР тов. Г. Гусак, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии тов. Т. Я. Киселев, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана тов. Ш. Р. Рашидов, Первый секретарь ЦК Венгерской социалистической рабочей партии тов. Я. Кадар, первый секретарь ЦК Компартии Грузии тов. Э. А. Шеварднадзе, первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана тов. Г. А. Алиев, председатель ВЦСПС тов. А. И. Шibaев, Генеральный секретарь ЦК Болгарской коммунистической партии, Председатель Государственного совета НРБ тов. Т. Живков, Генеральный секретарь Румынской коммунистической партии, Президент СРР тов. Н. Чаушеску, первый секретарь ЦК ВЛКСМ тов. Б. Н. Пастухов, президент Академии наук СССР тов. А. П. Александров, Генеральный секретарь ЦК Монгольской народно-революционной партии, Председатель Президиума Великого Народного хурала МНР тов. Ю. Цеденбал, первый секретарь ЦК Компартии Литвы тов. П. П. Гришкявичус, первый секретарь ЦК Компартии Молдавии тов. С. К. Гроссу, первый секретарь ЦК Компартии Латвии тов. А. Э. Восс, первый секретарь ЦК Компартии Киргизии тов. Т. У. Усубалиев, первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана тов. Д. Расулов, министр СССР Е. П. Славский, первый секретарь

ЦК Компартии Армении тов. К. С. Демирчян, первый секретарь ЦК Компартии Туркменистана тов. М. Г. Гапуров, первый секретарь ЦК Компартии Эстонии тов. К. Г. Вайно.

Выступления были выслушаны с большим вниманием и неоднократно прерывались продолжительными аплодисментами.

Тов. М. А. Суслов провозглашает тост за присутствующих руководителей братских партий стран социалистического содружества, за коммунистические и рабочие партии, за народы братских стран социализма, за коммунистическое и рабочее движение, за единство и сплоченность всех борцов за мир, за свободу и независимость народов, за демократию, социализм и коммунизм. Этот тост зал встречает бурными аплодисментами.

Слово предоставляется товарищу Л. И. Брежневу. Участники приема приветствуют Леонида Ильича продолжительной овацией.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, в частности, сказал:

— Все, что мне удалось сделать в жизни — на производстве, в бою, на поприще политической и государственной работы, — все это было сделано по зову нашей ленинской партии, верным сыном которой я являюсь вот уже пятьдесят лет и останусь пока я жив. Партия — это источник нашей силы (аплодисменты), это прожектор, освещающий нам путь вперед. Это коллективный разум лучших сынов и дочерей великого народа. Это, как у нас часто и правильно говорится, — вдохновитель и организатор всех наших побед (аплодисменты).

ТОВАРИЩУ Л. И. БРЕЖНЕВУ

Генеральный секретарь ЦК НДПА, Председатель Революционного совета ДРА Бабрак Кармаль 16 декабря в Кремле вручил Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу высшую награду Демократической Республики Афганистан — орден «Солнце свободы».

В зале были товарищи Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Я. Пельше, М. А. Суслов, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, К. В. Русаков.

Здесь же находились заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР

Б. Е. Саркисов, ответственные работники ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР. С афганской стороны присутствовали: кандидат в члены Политбюро ЦК НДПА М. Барьялай, секретарь ЦК НДПА Н. М. Моманд, члены ЦК НДПА А. Кадыр, Ш. М. Дост, М. С. Карваль, кандидат в члены ЦК НДПА М. А. Фарзам, посол ДРА в СССР Х. Мангал.

От имени афганского народа, Центрального Комитета НДПА, Революционного совета, правительства ДРА и от себя лично тов. Б. Кармаль поздравил Леонида Ильича Брежнева со знаменательным юбилеем и от всего сердца пожелал ему крепкого здоровья на многие годы.

В ответной речи товарищ Л. И. Брежнев, в частности, сказал:

— Я искренне тронут решением Центрального Комитета Народно-демократической партии Афганистана, Революционного совета и правительства Демократической Республики Афганистан наградить

меня орденом «Солнце свободы». Сердечное спасибо за врученную мне награду.

Красиво и политически значимо называется высший афганский орден — «Солнце свободы». Это название, я бы сказал, символизирует то светлое, за что боролся и борется афганский народ, ради чего была совершена апрельская революция. Социальный прогресс, национальная независимость и справедливый мир — все это неразрывно связано с понятием свобода.

Речи товарищей Б. Кармала и Л. И. Брежнева были выслушаны с большим вниманием и встречены аплодисментами.

Присутствующие сердечно поздравляли товарища Л. И. Брежнева с высшей наградой ДРА. Они пожелали Леониду Ильичу дальнейшей плодотворной деятельности по претворению в жизнь исторических решений XXVI съезда КПСС на благо Страны Советов, во имя мира и социального прогресса на земле.

ДЕЛА

Участники приема встают и уstraивают Леониду Ильичу Брежневу горячую, продолжительную овацию.

Председательствующий тов. М. А. Суслов произносит тост:

— Дорогие товарищи! Позвольте еще раз провозгласить тост за нашего дорогого Леонида Ильича Брежнева, за его здоровье и счастье, за новые успехи в его благородной деятельности во имя процветания нашей великой социалистической Родины, в интересах социализма и мира во всем мире. (Продолжительные аплодисменты).

За здоровье, счастье и благополучие членов семьи Леонида Ильича, которые своей заботой и теплым отношением помогают в его многотрудной и благородной работе. (Аплодисменты).

За Коммунистическую партию Советского Союза, созданную великим Лениным, и ее штаб — Центральный Комитет! (Продолжительные аплодисменты).

За здоровье всех присутствующих в этом зале товарищей! (Продолжительные аплодисменты).

За ваши, дорогие товарищи, новые успехи в труде на благо коммунизма! (Продолжительные аплодисменты).

Леонид Ильич Брежнев, обращаясь к руководителям братских стран, просил передать народам этих стран сердечный привет, пожелания процветания и счастья.

Во время приема состоялся концерт мастеров искусств.

Прием, посвященный семидесятипятилетию со дня рождения Леонида Ильича Брежнева, прошел в обстановке исключительной теплоты и сердечности.

У доброй вести — быстрые крылья. В ноябре прошлого года теплые слова Л. И. Брежнева, адресованные морякам, портовикам, судоремонтникам, инженерно-техническим работникам Балтийского морского пароходства, буквально в течение нескольких часов разнеслись по всему свету. И где бы ни находились наши суда — в портах далекой Кубы, Австралии, Канады, на просторах Тихого, Атлантического и Индийского океанов, — сообщение о высокой оценке, которую Леонид Ильич Брежнев дал нашему труду, собрало людей на стихийные митинги, вызвало к жизни новые, повышенные социалистические обязательства, которые уже в тот же день к вечеру стали поступать в партком пароходства.

За лаконичными строчками радиogramм явственно ощущался прилив энтузиазма, твердое решение людей значительно перевыполнить производственную программу, несмотря на сложные погодные условия. Тогда же балтийцы выступили инициаторами соревнования за досрочное завершение заданий первого года одиннадцатой пятилетки, соревнования, которое было широко подхвачено всеми коллективами морского флота страны.

Уже заслужил известность опыт организации трудового сотрудничества различных предприятий Ленинградского транспортного узла по непрерывному взаимосвязанному планированию транспортного процесса, позволившему без дополнительных капитальных вложений значительно поднять эффективность использования судов, вагонов и автомобилей. Этот опыт, одобренный ЦК КПСС, получил широкое рас-

пространение. Ну, а мы, в свою очередь, не останавливаясь на достигнутом, прилагаем усилия к тому, чтобы повысить четкость транспортного конвейера за счет внедрения научно обоснованных методов управления, укрепления и развития взаимодействия со смежниками. Причем не только ленинградскими: сейчас, в частности, мы отработываем систему непрерывного планирования совместной работы с ВАЗом, некоторыми предприятиями химической и машиностроительной промышленности.

Это конкретный ответ ленинградцев на высказанное

шего государства, стремящегося строить свои отношения с другими странами на основе добрососедства, взаимовыгодного сотрудничества. Добрые перемены в этой области мы, моряки, ощущаем одними из первых, поскольку им обычно сопутствует улучшение экономических связей и, как следствие, рост объема перевозок. Что же, увеличению таких нагрузок мы только рады и искренне благодарны Леониду Ильичу Брежневу за его неутомимую общественную деятельность по укреплению мира во всем мире, за то, что уже много лет наши корабли следуют только мирным курсом.

ВДОХНОВЛЯЮЩЕЕ СЛОВО

Леонидом Ильичом и содержащееся в Основных направлениях требования улучшать взаимодействие всех видов транспорта с другими отраслями народного хозяйства.

Расширяя трудовое сотрудничество, наши моряки, докеры стали инициаторами заключения комплексных договоров и с портовиками братских социалистических стран. Самый первый из них — с коллективом порта Гавана — заключил экипаж теплохода «Комсомолец Эстонии» и укрупненная комсомольско-молодежная бригада докеров-механизаторов, возглавляемая Е. И. Черненко. А сегодня уже около 50 теплоходов Балтийского морского пароходства и десятки бригад развивают и совершенствуют этот почин.

Его рождение — одна из характерных примет миролюбивой внешней политики на-

Принятые нами повышенные обязательства мы выполняем успешно: в день начала работы ноябрьского Пленума ЦК КПСС (1981 г.) коллектив Ленинградского морского торгового порта в тесном сотрудничестве с моряками, железнодорожниками, речниками и автомобилистами досрочно выполнил план первого года пятилетки по переработке экспортно-импортных грузов, коллектив БМП уже получил 3,5 миллиона рублей дополнительной прибыли от перевозок грузов в заграничном плаваннии.

Е. ЧЕРНЕНКО,
бригадир укрупненной
комплексной бригады
Ленинградского порта,
Г. БЕССОНОВ,
капитан теплохода
«Механик Тарасов»

ГОРИЗОНТЫ БУДНЕЙ

Лидия ВАСИЛЬЕВА

Графика — мобильный вид изобразительного искусства. Она выходит на передний край публицистических жанров, выступая в роли боевого разведчика. Вооруженный карандашом и блокнотом, художник-график появляется на самых горячих точках планеты, и его работы порою особенно остро ложатся на полосы газет и журналов.

Кто он, этот новый тип современного художника-журналиста, вобравшего в себя талант рисовальщика и репортера? И в чем особенность творчества такого художника — Игоря Пчелко, чьи рисунки уже в течение двадцати лет постоянно печатаются на страницах прессы?

Художественную манеру Игоря Пчелко, идущую от школы русского реалистического искусства, строгий и ясный рисунок его пера не спутаешь с манерой никакого иного мастера-графика. Работает он в технике карандаша, туши, акварели. Творческое становление, рост личности Игоря Пчелко пришлось на 60—70-е годы — мирное время великих строек, громадных дел страны, выдающихся человеческих судеб.

Он рос и мужал вместе со своей Родиной.

У него трудная судьба: детство, опаленное войной, страшные картины бомбежек, толпы беженцев, бегущие под огнем вражеских самолетов, — все это до сих пор трепещет в памяти художника и оживает в его книжных иллюстрациях, в рисунках, посвященных теме Великой Отечественной войны, — теме, которая для Игоря Пчелко всегда самая дорогая и святая.

Потом были годы тяжелой болезни; он был между жизнью и смертью; наверное, потому так остро и одушевленно Игорь любит теперь жизнь, ее живую красоту и драгоценность, и чувство это сообщается каждой его работе.

Игорь Пчелко не сразу нашел свое призвание, решая, быть ли ему профессиональным музыкантом или художником. Музыка с юности влекла его глубоко и настойчиво, он всерьез занимался ею, но настал момент выбора, и в нем победил художник.

В 1957 году Игорь Пчелко заочно оканчивает Московский полиграфический институт; в 1962-м вступает в Союз журналистов СССР. И с этого времени начинаются многочисленные поездки по новостройкам, знакомство с героями пятилеток. География поездок художника определяется заданиями редакций. Командировки от «Правды», от журналов «Агитатор», «Советский воин», «Огонек», «Работница» — на Саяно-Шушенскую ГЭС, в целинные степи, на Красноярскую ГЭС, БАМ и КамАЗ. На КамАЗе он был пять раз, недаром коллектив новостройки удостоил художника звания своего ударника. А через несколько лет в Москве, в залах Союза журналистов, будут открываться персональные выставки И. Пчелко — серии работ о целине, БАМе, КамАЗе.

— Для работников печати нет слов: «у меня не получается», «мне не хочется» или «я это нарисую завтра», — считает Игорь Пчелко. — В отличие от станковистов мы такой привилегией не располагаем. Художник, который работает в печати, особенно в газете, должен быть заряжен на работу ежедневно, ежечасно. Это главная заповедь всех журналистов. Нам говорят: сделай рисунок сегодня, потому что завтра человек уезжает. Значит, надо сделать хотя бы зарисовку. Всегда помню слова одного известного графика: «Если нечем тебе зарисовать то, что сейчас уйдет, исчезнет от тебя, — нарисуй для памяти пальцем на собственной ладони, но обязательно нарисуй».

...Его постоянные герои: строители, нефтяники, корабли, колхозники, воины-пограничники — люди. Ежедневного подвига, герои, трудно и радостно делающие свою любимую работу, наслаждающиеся мирной жизнью.

— Человек, которого я когда-то рисовал, становится потом родным, и встретиться с ним опять — просто счастье. И это не пустая фраза: ведь, когда рисуешь, пытаешься до дна постигнуть человека, его мысли, душу, — говорит художник. — К сожалению, командировки скоротечны, а ведь хочется с человеком «съесть пуд соли».

Действительно, портреты, сделанные им с натуры, не просто наброски, нет. Игорь Пчелко — требовательный художник, для которого важно не только и не столько уловить внешнее, сиюминутное сходство, но, главное, передать характер, внутренний мир героя. Быстрый документальный репортаж, сделанный сегодня, приобретает у него спустя время, в процессе дальнейшей работы над произведением, глубинную значимость; в нем запечатлеваются черты породившей его эпохи.

Что особенно отличает Игоря Пчелко от многих современных журнальных, газетных рисовальщиков — это любовь к прекрасному. Художник, пристально вглядываясь в природу, в человека, отыскивает и замечает, запечатлевает в своих листах черты красоты людей, ландшафта своей Родины. Его как будто не задело модное поветрие монументализировать, а честнее сказать, огрублять натуру. Пчелко в своих рисунках как бы возрождает лучшие традиции таких русских мастеров,

как Самокиш, Сварог, умевших мгновенно, точно и в то же время художественно и тонко отражать неповторимые мгновения бытия.

Герои И. Пчелко никогда не случайны; они обязательные в нашей жизни люди, с ними хочется побыть подольше, познакомиться поближе. Узнать, о чем же так увлеченно говорят эти старые, мудрые крестьяне, присевшие на скамью; спросить у волгара, почему так трудно далась ему жизнь и как он смог прожить ее столь достойно, что открыто смотрят тебе прямо в душу его скорбно-улыбчивые глаза. Зрителю хочется постичь, где ныне Петр Лардыгин, бригадир комплексной бригады, который тринадцать лет назад возводил Красноярскую ГЭС, а теперь останется в памяти потомков настоящим героем тех славных дел. Художник умеет передать мимолетное состояние, одушевленность человека; в этом смысле манера его жива, сокровенна. Горячо, взволнованно взглянула на нас вот эта черноокая женщина-горянка, и ее искренний взгляд надолго останется в памяти зрителя. Есть в манере письма художника душевная открытость: он подходит к своему будущему герою, заранее доверяя ему, радуясь встрече с ним. Щедрость души всегда оправдывает себя: герои Игоря Пчелко передают и зрителю радость и доброту своего сердца.

Интересны серии рисунков с Саяно-Шушенской ГЭС. Стройка возводилась в трудных условиях; ее строители, выверенные жизнью, на рисунках воспринимаются мужественными, цельными людьми. Сильное и открытое лицо у Вячеслава Демиденко, бригадира монтажников турбин: он и в жизни человек замечательный, чрезвычайно скромный.

Зарисовки Игоря Пчелко с БАМа — это не только иллюстрации к журналистскому тексту, они имеют самостоятельное звучание. Даже маленький карандашный рисунок наполнен жизнью: стремительно бегущая, прерывистая линия дороги, тяжело груженные машины, нервная, подвижная линия гор.

Животворность музыки художника объясняется еще, видимо, и тем, что И. Пчелко не замыкается только рамками репортажного графического рисунка. Он постоянно иллюстрирует книги, выходящие в издательствах «Правда», «Советская Россия», «Молодая гвардия». Читатели знают многие работы И. Пчелко-иллюстратора: рисунки к «Чапаеву» Дм. Фурманова, к роману «Рожденные бурей» Н. Островского, «Чайке» Н. Бирюкова, «Вызываем огонь на себя» О. Горчакова и Я. Пшимановского, «Через сорок смертей» Ю. Королькова, к «Берегу» Ю. Бондарева. И здесь при широте тематики — требовательная избирательность художника, при типичности образов — собственное их понимание и трактовка. Игорь Пчелко как художник работал также над серией телефильмов В. Зорина «Америка семидесятых».

Смотришь работы И. Пчелко и возвращаешься к ним, чтобы взглянуть на красивое и гордое лицо «Цыгана», вдуматься в переживания старой женщины из села Шушенское, которая когда-то видела Владимира Ильича Ленина, подольше побыть на улочках Таллина и Пскова, в приволжских деревеньках.

Удивительна загадка таланта Игоря Пчелко: настроение тишины и спокойствия, чистоты и прозрачности рисунков, притом, что ведь нет успокоенности в глазах его героев, нет безоблачности в его пейзажах, художнику ближе переходное состояние природы, смена настроений человека.

Наверное, это обязательное качество творческой натуры: любить не только свое профессиональное искусство. Игорь любит и прекрасно знает музыку, поэзию. Может быть, оттого музыкально прозрачны его пейзажи, поэтически возвышенны его герои. Счастливая возможность общения между зрителем и произведением любого вида искусства, присутствие тонкого и умного автора — «переводчика на свой язык» — являются сутью подлинного искусства. Работы Игоря Пчелко, большие и малые, сделанные в цвете или черно-белые, представляют собой своеобразную летопись славных мирных будней нашей страны за последние двадцать лет, а герои художника — как бы обобщенный портрет положительного героя наших дней.

Теперь в Москве, в Доме журналистов, открыта персональная выставка работ лауреата премии Союза журналистов СССР Игоря Пчелко. Итог тридцатилетия творческой деятельности, этап, за которым следуют новые яркие произведения талантливого художника.

И. Пчелко. Род. 1931. ПЕТР ЛАРДЫГИН — БРИГАДИР КОМПЛЕКСНОЙ БРИГАДЫ, КРАСНОЯРСКАЯ ГЭС. 1968. * СТАРЫЙ ТАЛЛИН. 1981. * СОЛИСТКА АНСАМБЛЯ. КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССИЯ, СЕЛО УЧКЕКЕН. 1981. * СУДАК. ГЕНУЭЗСКАЯ КРЕПОСТЬ. 1980.

Привязанность

ДОМА

Открою в сад окно — и влагою пахнёт,
И заструится синь и лунный свет по листьям...
И, сколько захочу, так долго будут литься
И эта синь и свет с немыслимых высот.

Как тени под окном причудливо ложатся.
И листьями берез дробится лунный свет.
И, сколько захочу, он будет продолжаться,
Счастливый этот миг, быть может, тыщу лет.

Он — мой! Его никто сегодня не отнимет.
А завтра — пусть хоть смерть, хоть плаха
и костер...
И, сколько захочу, столь счастлив буду ныне —
Здесь материнский взгляд над миром свет
простер.

СЛОВО К ПЕРВОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЕ

Екатерине Ефимовне Гришковой.

Екатерина Ефимовна, где вы теперь живете?
Простите, что потерял вас. Простите, что
не нашел...
Помните нашу школу? Сельсовета напротив?
В доме у бабы Тани? Не было лучше школ!

Парты—столы обеденные. Сдвинутые скамейки.
В каждом ряду — по классу. В первом —
мой первый класс.
В красном углу портреты. Лампа-семилинейка.
Смотрят четыре класса, забыв обо всем, на вас.

В школе узнать побольше — было общим
желание.
Как мы помочь спешили матери и отцу!
Больше всего любил я уроки чистописания —
Буковку к букве ставил, словно венец к венцу.

Помню, как перечеркнут бедою был день
ликующий,
Екатерина Ефимовна, та рана болит всю жизнь:
Пустою была скамейка мальчиков из Кукуева,
Они по дороге в школу на mine подорвались.

Помню минуту молчания, как помню войны
пожарища...
Как я их понимаю, ваши слова, теперь:
«Мир наступил, ребята, а война продолжается...»
Сколько потом их было, этих слепых потерь!

Екатерина Ефимовна, встретиться очень
хочется.
К вашим рукам склониться проседью головы.
Слово мое кончается — память моя
не кончится.
Мне ничего не надо — только бы жили вы.

СОБЕСЕДНИКИ

Евгению Осетрову.

Собеседники мои, учителя,
Замершие в сумраке квартиры,
Нет, ни за какие блага мира
С вами в жизни не расстанусь я.

С вами рядом ветер жизни свеж.
Все, что будет, я у вас узнаю.
Ваших скромных нынешних одежд
На царей одежды не сменяю.

Не пойму, мудрей ли становлюсь
Иль воспринимаю жизнь иначе,
Но теперь — признаться не стыжусь —
Над строкою вашей чаще плачу.

Вам в глаза все пристальней гляжу —
Дней для встреч у нас не так уж много.
Так гляжу — как будто на дорогу,
В жизни все узнавший, выхожу.

НАУКЕ

Боюсь тебя, страшусь тебя — люблю!
Вселив в меня и веру и тревогу,
Космическому чудо-кораблю —
Земле моей — открыла ты дорогу

К собратьям, что томятся там без нас,
Где звезды те же и надежды те же:
Услышать нас — то время неизбежно,
Увидеть нас — тот неизбежен час!

И всемогуща ты и, как дитя,
Беспомощна, когда безумцы века —
Творцы доктрин с душой дочеловека —
С тобою обращаются шутя.

Ты сильная! Где твой девятый вал?
Смети их всех, чтоб не осталось следа...
К тебе — я слышал! — голос тех взывал,
Кто на кострах невежества сгорал,
Но — юную — тебя огню не предал!

СОН О ВОЙНЕ

...И снова пушки бьют по мне.
По детству грохают разрывы.
Спасай меня, огонь-крапива,
Лежу, прижавшийся к стене.

Нет, не к стене... Уже ползу
Травой, бороздкой, лопухами
И опаленными садами...
И отдышусь лишь там... в лесу.

Прижался к кочке на дыша.
В глаза пугливо смотрит птица...
Да нет же, это все не снится —
Болото. Липнущая ржа.

И едкий дым ко мне ползет,
Он от огня багрово-красный.
И над болотом — самолет,
Большой-большой и очень страшный.

И с одуванчика пыльца
Летит в глаза — смахнуть не в силах...
И нету этому конца.
Не будет, знаю, до могилы.

НАШ МАЙ

Я, может быть, впервые понимаю:
Нет месяца торжественнее мая.

Я, может быть, впервые ощутил:
Всю жизнь свою под светом мая жил.
С того и стал теперь такой большой,
Что жил под незакатною звездой,
Под этой, что в любом краю видна...
Видна, да не для всех горит она.

Она для тех, святая, не горит,
Кто в холмиках под ней во тьме лежит.
Но если справедливость в мире есть,
Хоть малая!
А есть она — я знаю!

О том, как предан я
Сегодня маю,
До них доходит благостная весть.

До каждого,
Кто землю защитил!
Иначе бы... восстали из могил.

Без откровений мудрецов
Известна истина от века:
Свое у времени лицо,
Свои черты у человека.

Но знаю, истина и в том
(Вопрос лишь: долго ль это будет?):
Есть времена с чужим лицом,
С чертами не своими люди.

Я многого понять не смог,
Но почему-то
Одолевающих тревог
Я понял смуту.
Не потому ли, что беда
Войны минувшей

Ребятню раз и навсегда
Пронзила душу?
Давно прошел тот детский страх,
А мне все снятся
Повешенные на столбах
В дни оккупации.
Летят года. Гремит гроза
Под солнцем летним,
А я все вижу их глаза
За миг до петли...

Октябрь, октябрь, мой месяц золотой!
А я уже — с седой головой.
И все быстрее реки моей вода.
И за плечами — главные года.
И все грустней глаза мои. Грустней...
Но небо надо мною все синей.
И столько в рощах движется огня...
Как будто это все лишь для меня —
И этот день, что красками облит
И ягодой рябиновой горчит;
И бесконечный и сквозной простор,
Чтоб я за даль пыливый взгляд простер,
За даль пространства, и за даль годов,
И в даль еще неведомых миров...
Чтоб я ценил свой каждый миг земной.
Октябрь, октябрь, мой месяц золотой...

Ночь необычно звездная.
Млечного — море белое.
Воздуха синь морозная,
Донизу заиндевелая.
Небо с землей помолвлено,
Шлейфом Луны повязано...
Пусть говорит безмолвие —
Все остальное сказано.

Ялutorовск!
Сибирская заря
Щекой прижалась к Роще декабристов...
И ветер, и морозен и нейстов,
Гуляет на просторах декабря.
Мне в домике Якушкина тепло.
Мне небольшой для встречи срок отпущен.
И чудится: в морозное стекло
Сквозь даль глядит Иван Иванович Пущин.
Я обращаюсь думами к судьбе
Тех рыцарей без страха и упрека,—
И совестно мне думать о себе
И день прожить без помыслов высоких.
Чего мне не хватает на земле?
Я заслонюсь от времени рукою
И чувствую: они гудят во мне,
Вскипающие волны непокая.
Что сделал я за все свои года?
Чью душу отогрел я и взлелеял?
Какие семена в сердцах посеял?
Но мне всегда светила их звезда.
Она пылала светом голубым —
И небо жизни становилось ясным.
Была с рожденья спутником моим
И до конца, надеюсь, не погаснет.

В двух десятках километров к югу от Москвы, на развилке Каширского шоссе и дороги в Горки Ленинские, не так давно воздвигнут удивительный памятник. Ленин идет по земле — крупным, стремительным шагом. Ленин идет по земле, разбуженной громом Октябрьской революции, и свежий, порывистый ветер дышит ему в лицо. Здесь, где все связано с его жизнью и его именем, фигура вождя, идущего по земле, воспринимается конкретно и достоверно — словно из документальной кинохроники.

Десятилетия отделяют нас от тех дней, когда живой Ильич проходил по окрестным полям и перелескам. Тогда еще не было в обиходе слова «пятилетка», как и многих других сегодняшних понятий и слов. Но все наши планы и свершения начинаются с Октябрьской революции и Ленина. Имен-

вседневную работу, мы тем самым закладываем основу века грядущего, несем свою долю ответственности за будущее.

Мы еще долго будем возвращаться к этим волнующим дням на рубеже зимы и весны 1981-го, когда в Москве проходил исторический партийный форум.

В моем блокноте — записи бесед с делегатами партийного форума. Это люди разных профессий, возраста и национальностей, их рассказы также очень различны, но одна особенность характерна для всех: масштабные, порой глобальные решения съезда они сразу же «примеривали» к своим делам и заботам, своим трудовым коллективам. Это вообще свойственно советским людям: отличаясь широтой взгляда, живя интересами всей страны, они очень точно и безошибочно определяют свой конкретный «интерес», свое место в общем строю. Тем более эти качества присущи передовым людям, коммунистам.

С генеральным директором московского объединения «Красный пролетарий» Олегом Алексеевичем Королевым речь у нас зашла о качестве станкостроения.

готовую продукцию», — скажут хозяйственники. «Место приложения труда, возможность приобрести нужную специальность, формировать новые отряды рабочего класса», — добавят социологи. «Завод — это благоустроенное жилье, школы и больницы, детские сады и ясли, спортивные сооружения и дома культуры», — дополняют районные и городские руководители. Каждый из них будет прав по-своему. А вся правда — в сложении мнений, комплексном подходе к делу.

Именно такой взгляд должен стать определяющим, когда речь заходит о строительстве новых предприятий. Опыт у нас в этом деле — и удачный и печальный — накоплен немалый, казалось бы, можно позаимствовать из прошлого оптимальные решения, выбрать наиболее верный путь к цели. И все же из года в год на многих стройках повторяется одна и та же картина: все силы направляются на ввод новых предприятий и мощностей, а жилищное и культурно-бытовое строительство отстает.

Эта проблема оказалась особенно близкой делегату съезда,

4,5 миллиарда киловатт-часов электроэнергии в год.

Но Токтогульская ГЭС важна не только сама по себе. Здесь, в горах Тянь-Шаня, выросла столица киргизских гидроэнергетиков — город Кара-Куль, создана отличная производственная база, сплотился замечательный коллектив строителей, накопился хороший опыт гидростроения.

Все это позволило, как говорится, не переводя дыхания, форсированно развертывать сооружение следующей ступени Нижнеарынского каскада — Курпсайской ГЭС.

Однако, как это часто бывает, добившись значительных успехов в сооружении промышленных объектов, строители отстают в возведении городских кварталов. Жилые дома в Кара-Куле строятся слишком медленно и сдаются порой с большими недоделками. А город-то молодежный, что еще более усугубляет проблему...

Еще одна запись в блокноте — разговор с дважды Героем Социалистического Труда сталеваром «Азовстали» Григорием Яковлевичем Горбанем. «Каждую плавку — по заказам потребителей» — таким был лозунг, который выдвинули доменщики и сталевары «Азовстали» в минувшей пятилетке. Это по-

ПЕРВЫЙ ИЗ ВОСЬМИ

но они открыли во всемирной истории этап строительства самого передового общества, возможность целенаправленно воздействовать на объективные процессы материальной и духовной жизни. Об этом Ленин говорил так: «...Мы теперь получили довольно редкий в истории случай устанавливать сроки, необходимые для производства коренных социальных изменений, и мы ясно видим теперь, что можно сделать в пять лет и для чего нужны гораздо большие сроки».

Мы очень многое сделали за предыдущее пятилетие, достойно завершив десятую главу великой книги о героическом труде нашего народа во имя строительства социализма и коммунизма. Но новые задачи, которые выдвигало время, не имели себе равных по масштабу и сложности. Эти итоги и задачи должен был определить очередной, XXVI съезд КПСС.

С этого всенародного обсуждения и главного события в жизни партии и страны начался год 1981-й. Потому и называют его годом Двадцать шестого партийного съезда. А еще — стартовым годом одиннадцатой пятилетки. И первый из восьмидесяти лет годов двадцатого столетия... Каждая из этих замечательных примет отводит только что прожитому году свою роль и свой масштаб во времени, подчеркивает живую связь времен, диалектику нашего развития. «Сегодня, заглядывая вперед на пять, на десять лет», — отмечал в Отчетном докладе съезду товарищ Леонид Ильич Брежнев, — мы не можем забывать, что именно в эти годы будет закладываться и создаваться народнохозяйственная структура, с которой страна вступит в двадцатый первый век». А это значит, что, решая сегодняшние задачи, делая обычную, по-

Как известно, в десятой пятилетке краснопролетарцы выдвинули лозунг «Пятилетке качества — первоклассное оборудование». Продолжится ли эта работа в новом пятилетии?

— В десятой пятилетке эта работа только началась, — сказал Олег Алексеевич. — Причем под первоклассным оборудованием мы понимаем не только станки со Знаком качества, но и те, что дают максимальное количество продукции при минимальных затратах труда, с улучшением самих условий труда. Речь практически идет о том, чтобы впервые в мире организовать поточное производство с применением микроэлектроники. Уже сегодняшнее развитие электроники позволяет по-новому решать проблему управления машинами, будь то станок, трактор или автомобиль. Думаю, что примерно через четыре года мы уже не будем выпускать станки с ручным управлением, с многочисленным количеством рукояток и рычагов. Эти функции возьмет на себя электроника. А рабочий должен позаботиться о том, чтобы как можно больше получить с этого механизма, максимально использовать его возможности, заложенные конструкторами. И здесь, как говорил с трибуны съезда Леонид Ильич Брежнев, нам самим необходимо перестраиваться психологически на применение интенсивных методов хозяйствования.

Психологическая перестройка краснопролетарцев проходит в коллективе просто и естественно — вместе с обновлением производства, увеличением выпуска и повышением качества продукции...

Что такое современный завод, фабрика или комбинат? Вопрос, казалось бы, простой, а отвечают на него по-разному. «Промышленное предприятие, выпускающее

первому секретарю Старооскольского горкома партии Белгородской области Валентину Николаевичу Цыцугину. Ведь старинный русский город Старый Оскол, получивший бурное промышленное развитие в последние годы, в одиннадцатой пятилетке должен удвоить свое население. И партийного руководителя, естественно, волнует вопрос, где эти люди будут жить.

— Формирование территориально-производственного комплекса невозможно на основе только промышленного строительства, — сказал под свежим впечатлением от Отчетного доклада съезду В. Н. Цыцугин. — А на практике социальные вопросы зачастую решаются в основном партийным влиянием, хотя это прямое дело министерства и ведомств.

Вскоре после нашей беседы мне довелось снова побывать на Белгородской Магнитке, посетить комсомольско-молодежные стройки Старого Оскола. И убедиться в злободневности проблемы.

Действительно, город не обрел пока единого хозяина. Хозяев у него несколько: Оскольский электрометаллургический, Лебединский и Стойленский горно-обогатительные комбинаты, другие предприятия. Каждый отстаивает свои интересы, вносит, так сказать, свой, не всегда уместный штрих в застройку города. В связи с отсутствием единого заказчика строительство общегородских объектов культурного назначения, благоустройство, комплексная застройка ведутся недостаточно.

Во многом сходную картину увидел я на «электрической» реке Киргизии Нарыне. Гордость республики — Токтогульская ГЭС. Четыре ее агрегата мощностью по 300 тысяч киловатт каждый вырабатывают сегодня около

требовало строжайшей дисциплины, совершенной организации труда бригад. И вот новый девиз, новая ступень в соревновании: «От стали высшего качества — к прокату и машинам с почетным пятиугольником». Инициатором этого движения стала бригада Г. Я. Горбаня.

— Стране нужен не просто металл, а металл определенного назначения, высокого качества, — разъяснил суть нового почина сам Григорий Яковлевич. — Но и этого мало: из хорошего металла должны быть сделаны добротные, надежные машины и конструкции. А это уже требует объединенных усилий сталеваров, прокатчиков, машиностроителей...

В этих словах, на мой взгляд, ключ к решению одной из очень важных народнохозяйственных проблем. Ведь металлургия — это постоянно действующий сквозной конвейер — от добычи руды до выдачи стали и проката. Малейший разрыв в цепи может привести к невосполнимым потерям. И если многие отрасли народного хозяйства напрямую зависят от четкой и ритмичной работы наших металлургов, то и металлургия очень нуждается в таком же четком, бесперебойном обеспечении.

...Прямым, непосредственным продолжением работы партийного съезда назвал Леонид Ильич Брежнев ноябрьский (1981 года) Пленум ЦК КПСС. В его речи на Пленуме показана большая политическая, организационная и хозяйственная работа, проведенная в первом году одиннадцатой пятилетки, глубоко и всесторонне раскрыты пути дальнейшего выполнения решений съезда. Центральной проблемой всей пятилетки — и в хозяйственном и в политическом плане — названа продовольственная проблема.

1981 год выдался в этом смысле не из простых, не из легких. Вспомним минувшее лето, когда многие недели подряд не было дождей на Украине, в Центральной России, в Поволжье... С осо-

Ю. ЧЕРЕПАНОВ

...Год 1980-й. Мирный солнечный день. Сентябрь в Нью-Йорке. Советские киножурналисты берут интервью у прохожих. Вопросы одни и те же: о второй мировой войне, о том, сколько погибло в ней русских и американцев.

Ответы поражают: «Нет, не знаю...»; «Не знаю...»; «Для меня это как война между новболами и индейцами»; «Я знаю только, что американцев погибло меньше, чем в последней войне с Вьетнамом»; «Не имею понятия. Но, наверное, американцев больше погибло...»

Разные американцы. Совсем молодые и постарше, с виду танные интеллигентные, знающие, даже «всевидающие». Еще один короткий диалог с типичным «средним» американцем. Уверен в себе, новбоксая широкополая шляпа, затемненные очки.

— Знаете ли вы, сколько американцев погибло во второй мировой войне?

— Нет, не знаю.

— А русских?

— Нет, не знаю.

— Почему?

— А зачем мне знать? — без тени смущения. Наглая «новбоксая» улыбка в ответ.

Что это — воинствующее невежество? Или позиция? Или уже настолько «промыты» буржуазной пропагандой мозги «среднего» американца, что они стали полем, поросшим травой забвения?

Наверное, и первое, и второе, и третье, все разом.

Верно сказано: память — великий дар, без нее нет достойного сегодня, без нее немеем и взгляд в завтра... Но для кого-то память — опасный груз. Видимо, кому-то выгодно, чтобы люди не знали правды о прошлом. Ведь ненароком человек может заинтересоваться и правдой настоящего.

Нет, недаром свой фильм о послевоенных годах возрождения мирной жизни нашей страны авторы назвали «Всего дороже».

По многочисленным просьбам

«Всего дороже», производство ЦСДФ, авторы сценария А. Александров, Г. Боропик, В. Игнатенко, К. Славин, режиссеры Н. Григорьев, Н. Гутман, С. Пумпянская, Т. Семенов.

«Москвичка» предновогодняя

Готовится последний выпуск «Москвички-81».

Фото Н. Агеева

Ветка сосны на голубом экране напоминает, что мы в преддверии нового года... Этой заставкой начинается свою очередную популярную передачу женский телевизионный клуб «Москвичка» — последнюю в нынешнем году. Ее подготовили редактор Г. Чистикова, режиссер Н. Колчиная, оператор Л. Дроздова, а ведут народная артистка РСФСР И. Скобцева, поэтесса Л. Щипахина и диктор О. Зюзина.

Оглядываясь на год уходящий, мы все подводим итоги того, что сделано, и намеряем то, что предстоит сделать. Размышляют об этом, делятся своими планами и участниками передачи: москвички — передовые люди производства, науки, техники, искусства, культуры. Среди них — делегаты XXVI съезда партии, лауреаты Государственной премии уходящего года. Глядя на их красивые, одухотворенные лица, невольно отмечаешь: вот они

телезрителей в эти декабрьские дни на экране были показаны вновь все восемь серий.

Истинное произведение искусства всегда смотрится созвучно сегодняшнему дню. А новый сериал вобрал в себя большой опыт предыдущей работы кинематографистов над двадцатисерийной киноэпопеей «Великая Отечественная». Вновь и вновь с глубоким волнением воспринимаешь каждый эпизод фильма.

Восемь полнометражных кинолент, объединенных раздумьями о войне и мире, о человеке и человечестве, о героях, покончивших с самой кровавой и жестокой войной в истории, о жертвах, понесенных народами в борьбе с фашизмом... Это — раздумье и о советском характере. О мужестве, стойкости, самоотверженности, героизме народа, героизме будней, о таком героизме, который проверялся не днями, а годами, в сложнейших испытаниях.

Несомненно, создателей киноэпопеи «Всего дороже» вдохновляли — а во многом и направляли в творческом поиске — выдающиеся художественно-публицистические произведения Леонида Ильича Брежнева «Малая земля», «Возрождение» и «Целина». Выразилось это прежде всего в правдивости, в историзме фильмов.

Повествование о трудном времени возрождения страны насыщено огромным документальным материалом — кадрами кинохроники, часто впервые представляющими на экране в живом публицистическо-художественном осмыслении. Некоторые кадры вообще являются открытием документального кинематографа. Напомню, что авторами фильма было просмотрено около 500 километров старой пленки.

Однако киноэпопея несет не только эпические черты. Здесь и лирические, и драматические, и публицистические эпизоды... Немалую роль играет доверительное, взволнованное, горячее участие, сопереживание — весь тон фильма, который задан ведущим — народным артистом СССР Евгением Матвеевым. Это одна из принципиальных удач фильма, ибо талант актера обладает важнейшим качеством мгновенного контакта со зрителями. Доверительный по интонации ведущего строй картины позволяет зрителям не только узнавать нечто новое, но как бы еще раз всмотреться в самих себя...

Л. НАТОЧАННАЯ

бым вниманием вслушивались мы в сводки из хлебопекущих районов страны. Как вовремя собрать и бережно сохранить все, что выросло на наших полях, — этим были озабочены не только сельские труженики, но и люди самых разных индустриальных профессий.

Но как бы ни была велика и разнообразна помощь города, основой основ развития сельского хозяйства были и останутся знающие, любящие свое дело хлеборобы и животноводы, агрономы и механизаторы. А проблема сельских кадров — одна из острейших.

Есть тут свои естественные причины и объективные обстоятельства — основное из них — миграция сельских жителей в города. В последнее десятилетие — по одному-два процента в год.

Но это, подчеркиваем, естественно: во всех высокоразвитых странах доля сельских жителей, занятых производством продуктов питания и сельскохозяйственного сырья, неуклонно снижается, все больше «едоков» приходится на каждого земледельца и животновода. Главное в том, чтобы оставшиеся в аграрном секторе кадры были обеспечены современ-

численности работающих в некоторых непривлекательных отраслях, активному вовлечению в производство пенсионеров, домашних хозяйек, жителей села.

Эти насущные требования времени находят полное понимание и широкую поддержку в народе. Для примера я хочу обратиться к телезрительской почте. Особенно много писем о низкой трудовой дисциплине на предприятиях, в конторах и управлениях, о больших потерях рабочего времени, о раздутых штатах. Особенно волнуют наших авторов факты недобросовестного отношения некоторых работников к своим обязанностям, значительная — на большинстве предприятий и строках — текучесть кадров. Есть, к сожалению, у нас немало людей, которые в общем-то исправно являются в свое учреждение или контору, но готовы весь день изнывать от безделья. Другие в рабочее время предпочитают устраивать личные дела, третьи заняты больше поисками путей, как уйти от вопроса, чем как решить его.

«Сколько расплодилось у нас всевозможных исполнительских ансамблей, хоровых и танцевальных коллективов, причем нередко

примитивных, — пишет Кузьма Петрович Белозеров из Белгородской области. — Им нет числа! При остром недостатке рабочей силы не слишком ли мы музыкальны?» А вот сообщение И. Маркова из Ставропольского края: «Загляните на рынок, и вы увидите там в любое время года красавцев в расцвете лет, торгующих фруктами и цветами. А в газетах пишут, что не хватает рабочей силы, некому строить жилье и выпускать промышленную продукцию». «У нас много людей, которые ничего обществу не дают, а только берут у него, являются потребителями, — говорится в письме А. Румянцева из города Троицка Челябинской области. — Надо что-то предпринимать, чтобы заставить их добросовестно работать, уважать труд. Без этого нельзя идти вперед».

С этими мыслями и выводами нельзя не согласиться. И трудно рассчитывать на решение многих экономических проблем, в частности на полный достаток продуктов питания и промышленных товаров, если каждый из нас не будет честно, в полную меру сил трудиться на общее благо.

...Разумеется, в своих заметках я смог коснуться лишь малой части дел, проблем и забот, которыми мы жили в первом из восьмидесяти годов. В году, который отмечен работой исторического XXVI съезда нашей партии и настойчивым трудом советских людей над выполнением его решений. В непростой, подчас напряженной обстановке, вызванной засухливым летом, и осложнением международной обстановки, и недостаточно энергичной перестройкой систем управления хозяйством, мы сделали многое, что намечали, умножили богатства страны и приобрели немалый опыт. Словом, есть все основания считать, что первый год одиннадцатой пятилетки прожит достойно и интересно, с хорошей отдачей. Но такова диалектика, таково требование времени, что следующий год должен решать еще более трудные и важные задачи.

ной техникой и хорошо подготовлены к труду сами, имели все условия для интересной, полноценной жизни. Главное — современный уровень хозяйствования, делающий высокоэффективной и привлекательной работу на поле и ферме, поднимающий престиж сельских профессий. Редко где человеческий фактор проявляется с такой отчетливой силой, как в сельском деле. И редко где от работника требуется такая устойчивая привязанность, я бы сказал, верность делу. А это, в свою очередь, требует стабильности всей жизни, привязанности к определенному месту, а значит, и современных, благоприятных условий сельского быта.

В истекшем году мы острее, чем раньше, почувствовали недостаток рабочих рук, дефицит трудовых ресурсов. Во многом положение объясняется демографической ситуацией. Сказывается «второе эхо» Великой Отечественной войны, когда в трудоспособный возраст вступают дети, чьи родители появились на свет в суровые военные годы. А рождаемость тогда, сами понимаете, была на самом низком уровне. Еще один объективный фактор — резкий скачок численности пенсионеров: в восьмидесятые годы людей, вступивших в пенсионный возраст, будет без малого в полтора раза больше, чем в минувшее десятилетие.

Но значит ли это, что в стране неизбежно должны снизиться темпы развития общественного производства, замедлится рост национального дохода? Нет, вовсе не значит: в планах на пятилетку предусматривается значительное увеличение объемов производства во всех отраслях народного хозяйства. В то же время, как отмечалось на Пленуме ЦК КПСС, намечаются меры по ограничению

ДЕСЯТЫХ

АЛЕКСАНДР

**Мариэтта ШАГИНЯ,
Герой Социалистического
Труда,
лауреат Ленинской премии**

Для писателей, выросших после Великой Отечественной войны, начало и становление нашего творческого Союза — это далекое прошлое. Но полностью воскресить роль и значение Александра Александровича Фадеева в нашей литературе можно лишь с точным пониманием этого прошлого. Вот почему драгоценны воспоминания современников той далекой эпохи.

Возникновение Союза советских писателей, структура этой новой организации и, наконец, создание ее руководства,— в лице секретаря творческого писательского Союза, совмещающего в себе два нужных для этого опыта: профессиональный и партийный,— происходило на наших глазах, писателей старейшего поколения, и при нашем живом участии.

Еще до создания нашего творческого Союза были у нас партийные руководители — А. С. Щербаков, П. Ф. Юдин, были во главе наших писателей Максим Горький, Владимир Ставский. Но, по-моему, первым настоящим в нашем новом общественном строе да и во всем мире в этом своем звании «секретарем Союза советских писателей», партийным и профессиональным руководителем был Александр Фадеев. Ита огромная работа, проделанная им, те связи, созданные и укрепленные им между самыми разными писателями советских областей и республик, по сути дела, сами по себе должны изучаться, запоминаться, становиться неотъемлемой частью наших литературных традиций.

Фадеев был отличным писателем, и литературное его наследие само по себе достойно изучения и правильного, глубинного раскрытия для всех последующих поколений. Но начинать и кончать речи и воспоминания о Фадееве только как о писателе, забывая проделанную им историческую работу по созданию самого Союза и характернейших черт этой социалистической организации, я считаю делом недостаточным. Поэтому постараюсь дать хотя бы краткую характеристику деятельности Фадеева как руководителя, а уже потом — о его личном творческом вкладе в советскую литературу.

Тогда — почти полстолетия назад! — не было разросшегося до колоссальных размеров аппарата у Союза писателей, как сейчас. Фадеев был постоянно не за спиной секретарши, не за стенами кабинета, а среди нас и с нами. Мы еще не были единым, слитным коллективом, мы были разные — и по языку, и по пониманию действительности, и по творческому опыту,— среди нас были первенцы советской литературы, ее основоположники, писатели, пролагавшие пути от гражданской войны к построению социалистиче-

ского хозяйства; были «попутчики», не пролагавшие, а только шедшие по путям, пролагаемым коммунистами; были эстеты, воевавшие с голым натурализмом; были еще не сбросившие с себя соблазнов дореволюционного символизма; были последователи и выученики Горького; был орлиный клекот Маяковского,— и все мы были детьми новой, советской эпохи. Александр Фадеев сумел сразу нас объединить, дал почувствовать себя не писателем-одиночкой, а единицей в коллективе. Прежде всего тем, что имел

любовь к своему делу. Любовь к делу руководства — это гордость не своими собственными успехами, личными удачами, личным продвижением вперед, а гордость успехами своего коллектива, их творческими удачами, их книгами. Он мог, например, лично не очень-то любить кого-нибудь из нас как человека, но если этот не очень любимый им и не близкий ему писатель вдруг «выдавал на-гора» превосходную книгу, надо было видеть, как сияло лицо у Фадеева, с какой гордостью он говорил об этой книге, как рекомендовал ее прочитать! Почему?

Да потому, что в ней была и частица его руководства, потому что творческим делом его было не только самому писать хорошие книги, двигать их дальше — на экран, на сцену, на премию (кстати сказать, премий тогда вначале еще и не было!) — а делом его и гордостью его было **руководить** писателями, то есть вести работу с ними, воспитательную, критическую, и гордостью его было, когда эта работа, руководство, помощь и создание лучших условий писателям для их творчества давало положительные результаты и увенчивалось успехами писателей.

Д Р Ф А Д Е Е В

Гордость успехами своего коллектива, а не личное тщеславие и преуспеяние — вот главное и основное качество руководителя-коммуниста.

Но Фадеев был требователен. Он обладал хорошим литературным вкусом, понимал, что такое настоящее творчество, а что такое механическое делание книг. Он не допускал в Союз графоманов, понимал случайность успеха некоторых книг, за которыми у «начинающего» часто не бывает продолжения, потому что его заряд (опыт познания жизни) исчерпывается первой книгой, но дальше ему сказать нечего. Такие мотыльковые дарования он не жаловал и, как всегда в любом настоящем деле, придерживался ленинского взгляда «лучше меньше, да лучше». Кажется, если память мне не изменяет, это Шолохов в каком-то своем из ранних выступлений привел не как анекдот, а как реальный случай речь какого-то руководителя тульского Союза писателей о том, что вот-де как растут у нас творческие кадры, — в Тульской губернии при царизме числился только один писатель, а сейчас у нас в организации сто двадцать писателей. Фадеев, разумеется, не арифметикой гордился, а реальным качеством. В те времена мы любили Фадеева и за его умение поддерживать нас в большой творческой работе, и за борьбу с графоманством и макулатурой, и за постоянное пристальное внимание к нашим профессиональным нуждам. Еще не будучи в партии, мы (наше поколение) звали его на «ты» и «Саша». По-товарищески, по-братски. И в любой день могли попросту зайти к нему в кабинет или позвонить на дом.

Достоинства его как организатора-руководителя, совершенно не думающего о себе самом, особенно ярко проявились в дни Отечественной войны. Как сумел он молниеносно мобилизовать нас! Каждый слышал от него призыв помочь Родине — выступлением, статьей — работой в оборонных организациях. Мы, тыловики, работали в помощь фронту. Наши речи звучали в тогдашнем метро, в затихших кинозалах — до и после сеансов, по радио. Мы писали во фронтовые газеты, в городской печати. Статьи писателей вырезали и хранили в вещевых мешках советские солдаты. Наизусть повторялись рождавшиеся дружным соавторством Маршака и Кукрыниксов ядовитые стихи и карикатуры на Гитлера, острые, блестящие статьи в большой прессе Эренбурга, Алексея Толстого и многих, многих других. Фадеев не только сумел вовлечь нас в огромную работу на оборону, он каждого из нас не выпускал из виду, воодушевлял, поддерживал, его близость чувствовали эвакуированные для работы в тылу писатели, посланные на Урал, в Сибирь, куда перебрасывались крупнейшие оборонные предприятия, где открыла свою работу Академия наук.

Мы агитировали, подбадривали, описывали, печатали очерки об огромной работе тыла на оборону. И мы, тыловые писатели, получали военные ордена. Каким счастьем и какой великой честью было, например, для Анны Караваевой и для меня получение через «Правду» в 1943 году военных орденов Красной Звезды... Во всем этом было участие и руководство нашего профессионального и партийного руководителя Саши Фадеева. Я лично благодарна ему даже за участие в спасении моей жизни, когда, посланная в командировку в Новосибирск, я захворала тяжким воспалением легких. Не было тогда в больнице ни нужных лекарств, ни нужного питания — я вряд ли выжила бы, если б Фадеев не телеграфировал новосибирским организациям: «Вылечить во что бы то ни стало». И вылечили-таки общими усилиями! Помню, как Татьяничева из Магнитогорска прислала плитку пористого шоколада, тогда дававшегося только военным летчикам... Но главное — он поддерживал во всех нас боевой дух, безграничную уверенность в победе!..

Нельзя полностью оценить и литературное творчество писателя Фадеева без этих больших его организационных качеств. Если он умел всегда держать нас в центре основных проблем строительства социализма — и это не было пустыми словами «вообще о связи писателя с жизнью», а действительно заставляющей мыслить и понимать проблемную связь со своей эпохой, — то ведь и сам он в своем личном творчестве отражал не только фактическое движение новой, послеоктябрьской жизни нашей Родины, но и проблематику, суть и направленность этого движения. Начиная с «Разгрома» и «Последнего из удэгов» до «Молодой гвардии» он был летописцем основных тем социалистического развития литературы. Не только гражданская война, ее события, а становление новой Армии, Красной Народной Армии в диалектическом соеди-

нении двух начал: стихийности народной массы и партийном воздействии на него организующего партийного начала (ведущая тема литературы тех лет: Чапаев и политрук у Фурманова; напор стихийных масс и партийный вождь Кожух в «Железном потоке» у Серафимовича). Диалектическое взаимодействие двух начал — народной стихийности и организующего партийного руководства! А в «Молодой гвардии» он ведь не только описал героический подвиг комсомольской молодежи, но и сумел подвести читателя к ленинской морали о рождении в партизанском движении зачатков нового типа армии: армии вооруженного народа.

И еще было у Фадеева замечательное качество, которое почему-то мало упоминается нашими критиками: он не переставал до конца своих дней учиться. При своей колоссальной занятости много читал, следил и за новинками западной литературы. Я часто ловила в его речах (всегда устных, никогда не по бумажке) ссылку на того или другого, чем-либо заинтересовавшего его писателя. Работая над собственным языком и стилем, захваченный могучим обаянием Льва Толстого, он стремился выбраться из его оков — к собственному синтаксису, связанному с советским временем и экономным словарем.

К сожалению, еще мало глубоких критических работ о его последнем труде — романе о металлургах Магнитогорска, оставшемся недописанным. Лично мне представляются интересными исследования о Фадееве В. М. Озерова и статьи критика И. И. Жукова, ездившего на Урал по следам Фадеева, беседовавшего с героями фадеевского романа на Магнитке. У нас мало написано о последнем периоде творчества Фадеева. А ведь оно очень интересно. Недавно в своей речи на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук Михаил Андреевич Суслов высказал заме-

чательную мысль о том, что «учитель до тех пор остается учителем, пока он учится сам».

Настоящим профессиональным наставником писателей был Фадеев еще и потому, что сам учился своему профессиональному мастерству, не застывая на достигнутом. Его последний творческий замысел был связан с поистине напряженной духовной учебой, и в освоении нового для него содержания и в стремлении к новой стиливой форме.

Многое из того, чем был и что сделал Александр Фадеев, должно быть изучено и стать нашей писательской традицией в руководстве творческими союзами. Например, умение привлекать всех и каждого к участию в творческой общественной деятельности. Взять хотя бы роль правления в каждом союзе. Фадеев не оставлял в бездействии почти ни единого члена правления: без обращения к ним с заданиями, просьбами, приглашением на секретариат по какому-нибудь важному и острому вопросу. Помню, в годы первых наших съездов я никогда не была «вне» деятельности всего Союза — как постоянно выбираемый член правления, так же, как и многие, многие из моих товарищей по перу, избравшихся в правление. Мне кажется, что сейчас перед нашей писательской организацией стоит большая проблема — работа личности без отрыва от коллектива или, еще точнее, работа коллектива без отрыва от отдельных его членов. В этом смысле деятельность Фадеева могла бы стать для нас одним из хороших примеров умения привлечь в общественную работу как можно больше писателей.

Я думаю, что изучение опыта Александра Фадеева как профессионального и партийного руководителя во многом помогло бы нам в нашей общей советской литературной деятельности.

Декабрь 1981 года.

Писатели в блокадном Ленинграде. 1942 год. А. Прокофьев, Б. Лихарев, А. Фадеев, Н. Тихонов, В. Саянов

АВТОГРАФ

НА КНИГЕ

М. ЦЕБОЕВ

Когда первый раз въезжаешь в Краснодар, то невольно начинаешь смотреть на город глазами читателя «Молодой гвардии». Думаешь: вот здесь жили и учились молодогвардейцы, здесь совершали свои геройские дела. Взгляд останавливается на громадных терриконах, узких улочках, одноэтажных домиках — безмолвных свидетелях событий, о которых рассказывал миру замечательный патриот, писатель Александр Александрович Фадеев.

...Осенью 1943 года Фадеев спешно вылетел в Ростов-на-Дону, оттуда на военной попутке добрался до Краснодона. Здесь он кропотливо собирал материалы для своего романа, встречался с родственниками погибших молодогвардейцев, с живыми участниками подпольной комсомольской организации.

Одной из героинь книги стала Людмила Осьмухина, сестра казнённого фашистами Володи. Людмила Андреевна Коновалова (теперь она носит такую фамилию) и сейчас живет в Краснодоне, хорошо помнит события войны и встречи с Александром Александровичем.

Вот что она рассказала:

— После освобождения города на могиле молодогвардейцев установили временный обелиск, покрашенный в бордовый цвет. Однажды утром мама моя, Елизавета Алексеевна, вместе с матерью Ивана Земнухова Анастасией Ивановной пришли к обелиску побелить кирпичи, которыми была выложена могила. К ним подошел подтянутый, стройный человек в гимнастерке, галфе и сапогах. На груди — орден Ленина. Поздоровался, сказал добрые слова. Это был Фадеев.

На следующий день писатель пришел к нам. Беседа шла о Володе, руководившем пятеркой в «Молодой гвардии». Александр Александрович долго расспрашивал о том, какие у брата были глаза, какой цвет волос, с кем дружил, чем увлекался, кем хотел стать. Слушал внимательно, изредка записывал что-то в блокнот. Говорил негромко, но уверенно. В конце беседы спросил у матери, как ее девичья фамилия. Та ответила: «Рыбалова». «А Леонид Алексеевич Рыбалов вам нинем не доводится?» — поинтересовался Фадеев. Мама сказала, что это ее родной брат.

Дело в том, что Л. Рыбалов в гражданскую войну был красным партизаном. После работал секретарем райкома партии, встречался по работе с М. И. Ульяновой, Н. К. Крупской. Он был членом Союза писателей, автором пьесы «Тешин фронт». Потому его и знал Фадеев.

— Перед уходом, — продолжила рассказ Л. Осьмухина, — Александр Александрович попросил меня написать биографию Володи, и не только биографию, но «вообще все, что о нем можете вспомнить».

Через несколько дней я принесла ему написанное. Погода стояла теплая. Мы сидели во дворе под молодым кленом. Он читал воспоминания долго, искрился несколько папирос. Иногда чтобы уточнить факты, обращался с вопросами. Закончив чтение, похвалил: «Мне нравится, Люсенька. Написано тепло, искренне. Главное, без идеализации — и хорошее и плохое».

В Краснодоне писатель пробыл около месяца, здесь и начал писать о молодогвардейцах. А через три года мы с мамой вдруг получаем бандероль из Москвы. Вот что было в ней.

Людмила Андреевна подошла к шкафу, бережно достала потрепанный и уже слегка пожелтевший номер «Роман-газеты». На нем было написано:

«Дорогой Елизавете Алексеевне Осьмухиной и милой Люсе с сердечным приветом от автора. 10/X-46. Фадеев».

А. А. Фадеев. 1924 год.

Автограф писателя на романе «Последний из удзге».

Книги писателя присланы из разных стран мира.

И С Т О К

Мемориальный уголок в музее.

Музей Фадеева в Чугуевке.

«Милая мама!.. Дня три тому назад я был в Чугуевке. Изложить все перемены, которые там произошли, в письме совершенно невозможно. Я испытываю к этому селу необыкновенную привязанность, и пребывание там возмужало меня чрезвычайно... Тут тебя все, все помнят и так хвалят, что я просто горжусь тобой. Именно потому, что я твой сын, меня в Чугуевке так приветливо встретили, так обласкали, так все звали к себе, что я не могу об этом без слез вспомнить».

Из письма А. Фадеева матери — А. В. Фадеевой, 14 ноября 1933 года.

Ю. ОСИПОВ, фото В. КУЗНЕЦОВА,
специальные корреспонденты «Огонька».

Пожелтевшая страничка в четких бегущих строчках под стеклом музейного стенда, а над ней фотография закаленного боями комиссара в походных сапогах и гимнастерке, уже автора «Разгрома», который, приехав той осенью в Приморье со съемочной группой А. Довженко, пешком отправился в родное село старыми партизанскими тропами своей легендарной юности.

Рядом на стене выцветший снимок: худенький босоногий подросток в непомерно большой фуражке Владивостокского коммерческого училища с матерью, сестрой и братишкой у крыльца фельдшерского пункта в Чугуевке.

Между двумя этими фотографиями восемнадцать лет, вместивших удивительную, неповторимую судьбу и давших нравственный стержень всей последующей жизни сложного, беспокойного человека, выдающегося советского писателя и общественного деятеля Александра Фадеева.

Истоки этой судьбы — здесь, в далеком таежном селе на берегу Уссури. Истоки судьбы и истоки творчества.

По сути, история любого музея — это долготерпение и поиски, упорство и вера, помноженные на любовь. Фадеевский мемориал в Чугуевке в этом плане тоже не исключение.

Сейчас, когда в самом центре деловито оживленного села, скорее напоминающего городского поселок, поднялось новое здание из стекла и бетона, трудно представить, что все начиналось двадцать лет назад с маленькой школьной экспозиции.

Чугуевская школа № 1 носит имя Александра Фадеева не только как дань памяти замечательному земляку. Многие сделал он для ее учителей и учащихся, до конца жизни проявляя трогательную заботу о своей школе.

Более двух тысяч книг, присланных писателем, — быть может, самый наглядный и впечатляющий экспонат школьного музея. А фадеевские письма школьникам, фотография, изображающая их у него в гостях под Москвой вскоре после войны, обращение Александра Александровича к министру просвещения РСФСР по поводу нужд чугуевской школы...

Есть, думается, его немалая заслуга и в том, что из стен этой школы вышли Герои Советского Союза, что в ней активно действует литературный клуб «Фадеевец», известный далеко за пределами края, и что, наконец, значительная часть местной интеллигенции — врачи, учителя, инженеры, специалисты сельского хозяйства — бывшие выпускники школы имени А. Фадеева, вернувшиеся в родное село с институтскими дипломами.

Там живут и передаются здесь из поколения в поколение фадеевские традиции, благодарная память о нем.

Вот почему создание мемориального дома писателя стало кровным делом чугуевцев, в которое, конечно, включились люди, близко знавшие Александра Александровича, его родственники, видные деятели литературы и искусства.

В сентябре 1960 года дом-музей, открытый по инициативе односельчан и Союза писателей, справил свое первое новоселье на месте бывшей огородной сторожки семьи Фадеевых, где во время летних каникул Саша часто ночевал. Тут он хранил любимые книги, играл по соседству с товарищами на развалинах древней крепости суждений и удзгейцев...

В этот старенький, полутемный домик и попросилась после окончания Камчатского пединститута Надежда Ивановна Алексахина, нынешний директор Государственного литературно-мемориального дома-музея А. А. Фадеева.

До нового здания и экспозиции, отвечавших бы столь серьезному наименованию, было тогда еще очень далеко.

Энтузиазм, преданность делу... Привычные слова, но сколько стоит за ними. Эта хрупкая, неприметная с виду женщина и ее добровольные помощники без усталости шли к намеченной цели, год за годом пополняя музейные фонды, отыскивая в разных уголках страны интереснейшие материалы, собирая личные вещи писателя.

Приморский краеведческий музей имени В. К. Арсеньева передал в дар чугуевцам фадеевскую гимнастерку, в которой он был на фронтах Великой Отечественной войны. Из Переделькино привезли обстановку его рабочего кабинета. Ленинская библиотека прислала документы, относящиеся к обширной депутатской деятельности Фадеева. Специально для нового музея свои воспоминания об Александре Александровиче написали А. Барто, М. Шагинян, С. Михалков...

Книги, письма, фотографии... Всего свыше шести тысяч единиц хранения. Выстроить экспозицию помогал Государственный литературный музей СССР во главе с его директором Н. В. Шахаловой.

Еще не закончились строительные работы и экспонаты не заняли отведенные им места в просторных современных залах, а уже обрела зримые очертания идея создания фадеевского мемориального комплекса: сторожка с огородником, фельдшерский пункт (там жили и трудились мать писателя Антонина Владимировна и его отчим Глеб Владиславович Свистыч, скромные, безотказные целители крестьян Чугуевской волости).

Зная энергию и увлеченность Н. И. Алексахиной, чугуевцев, можно не сомневаться, что рано или поздно планам этим суждено сбыться.

Открытие нового дома-музея Фадеева в сентябре нынешнего года явилось главным праздничным событием Всесоюзной творческой конференции и Дней советской литературы в Приморском крае, посвященных юбилею писателя.

О чем поведали сегодняшним его землякам — студентам, морякам, ученым, гостям из Минска и Киева, Москвы и Душанбе стенды

экспозиции? О семье Фадеевых, принадлежавшей к русской демократической интеллигенции, той самой, что боролась с царизмом и беззаветно служила народу. О родственной им семье Сибирцевых, оказавшей огромное влияние на духовное формирование юноши. («Как большевик я воспитан в этой семье в не меньшей степени, чем в собственной семье...») О двоюродных братьях писателя Всеволоде и Игоре, первый из которых был сожжен японцами в паровой топке вместе с Сергеем Лазо, а второй погиб в бою с белогвардейцами под Хабаровском.

«Лазо обсуждал с нами, военными делегатами, кого назначить к нам в район политическим уполномоченным... Вдруг посмотрел на меня, засмеялся и сказал:

— А что, если мы назначим политическим уполномоченным Булыгу? (подпольная кличка А. Фадеева. — Ю. О.).

...Когда мы вернулись в свой район, оказалось, что политическим уполномоченным назначен Игорь Сибирцев, а я — его помощником по просветительской части».

Петя Нарезов — прообраз Петра Суркова в «Последнем из удзге». Гриша Билимко — это к нему обращен лирический монолог в «Молодой гвардии», начинающийся словами: «Друг мой, друг мой...» В партизанском отряде неразлучных ребят прозвали «соколятами». Измученные, запыленные, пришли они летом 1919-го в базовый лагерь партизанского движения — Чугуевку. Там Фадееву суждено было вскоре вступить в «Особый коммунистический» под командованием знаменитого И. М. Певзнера. Мир узнал его в бессмертном образе Левинсона.

«Пала атаманина — это случилось в конце января 1920 года — и мы вошли в Спасск». Спустя много лет бывший старший адъютант командующего штаба войсками Спасско-Иманского района напишет: «Городок моего детства и юности... Я был в первый раз ранен на одной из его улиц. Штурмовые ночи Спасска до сих пор стоят в моей памяти».

Делегатский мандат. Конференция военных политработников в феврале 1921 года в Чите избирает Фадеева делегатом X съезда РКП(б). «Саша жил в 3-м Доме Советов и каждый вечер приходил ко мне, рассказывал, как проходит съезд, как выступает В. И. Ленин, и как он, Фадеев, во время перерыва протиснулся совсем близко к нему», — вспоминает Тамара Михайловна Головина. Они вместе сражались во владивостокском подполье, в партизанах, в 18-м вместе вступили в партию.

Источившаяся, потрескавшаяся палочка. Он и после первой раны долго прихрамывал, а на кронштадтском льду получил второе тяжелое ранение и около пяти месяцев провел в госпитале. Вернувшись в Москву, посещал, опираясь на палочку, занятия горной академии, мечтал открывать природные богатства Сихотэ-Алиня. Судьба распорядилась иначе. Центральный комитет направил его в Ростов-на-Дону для работы с коммунистами ленинского призыва. В чемодане он увозил черновики «Разгрома»...

Каждая вещь, к которой прикасалась рука дорогого нам человека, обретает в нашем сознании особую ценность, переноса на себя частицу его души, его дел, порой вырастает до символа, как, например, дарственная надпись Ольге Андреевне Лазо на обложке «Последнего из удзге», нежное обращение к матери на экземпляре этого романа. Проникновенные слова в адрес Фадеева дальневосточных писателей, которых он неизменно ободрял и поддерживал.

С тем же чувством рассматриваешь авторские пометки на полях «Молодой гвардии», фадеевские дневники и рабочие блокноты, позволяющие заглянуть в его творческую лабораторию.

От зала к залу как бы перекидывается мостик через время, плечом к плечу с героями гражданской войны встают антифашистские подпольщики, звучат голоса тех, кто воспитывал и учил молодого гвардейца...

И С У Д Ь Б Ы

ПИСЬМА ДЕПУТАТА ФАДЕЕВА

Отправляясь на Дальний Восток, родину Александра Фадеева, я взял с собою пшеничные колосья оренбургской земли.

Ее посланцем, ее депутатом был он в Верховном Совете СССР десять лет.

Писатель-коммунист, писатель-боец, Александр Александрович писал: «Включение художника в советскую действительность, его общественная работа, его связь с широкими массами трудящихся — все это совершенно необходимо для обеспечения высокой идейности и художественности работы наших писателей».

Сам Фадеев по-иному жизни своей, своего творчества не представлял.

Перебираю в памяти летопись его депутатства.

В первые январские дни 1946 года имя Александра Фадеева как кандидата в депутаты Совета Союза по Сорочинскому избирательному округу было названо на предвыборных собраниях многих коллективов. «Благодарю за честь», — телеграфировал писатель, давая согласие баллотироваться по округу.

Депутат Фадеев жил интересами сорочинцев. Четыре тысячи писем получил он от них в 1946—1950 годах. Это были просьбы и жалобы, критические замечания и предложения по самым различным вопросам, касавшимся области, района, села, отдельного человека. И вот что можно сказать с уверенностью: ни одно письмо не осталось без внимания, по каждому принимались меры. Фадеев помог в электрификации районов, создании и укреплении сельских библиотек (сотни книг были посланы им прямо со своих книжных полок), налаживании работы клубов... впрочем, во всем, что тогда волновало, чем люди жили.

...Обращаясь к оренбуржцам, Фадеев говорил:

— Советским писателям даны такие просторы творчества, каких нет ни у кого в мире... О советской литературе справедливо говорят, что она является провозвестницей коммунистической морали. Благодарное зная Коммунистической партии осеняет труд советских литераторов, как и всего советского народа. Мы, писатели, всегда будем верны этому знамени, будем трудиться не покладая рук над осуществлением великих задач нашей партии.

Для него это и было жизнью.

■ «Уважаемая Александра Михайловна!

При всей тяжести сложившихся у Вас семейных обстоятельств, я думаю, что Вы поступили совершенно правильно, вступив на самостоятельный путь жизни. Мне кажется, что в таких случаях только

А. А. Фадеев на предвыборном митинге в Сорочинске. 1950 год.

Фото И. Баранова

работа и, конечно, забота о детях могут дать моральное удовлетворение.

С дневником Вашим я ознакомился и с благодарностью Вам его возвращаю...

Январь 1947 г.»

2 «Министру просвещения РСФСР тов. Калашникову А. Г.

Дорогой Алексей Георгиевич! Очень прошу Вас, в порядке исключения, дать указание о посылке педагогическому коллективу Ратчинской средней школы некоторой методической литературы и отдельных классических произведений по программе 8—10 классов средней школы.

Школа эта находится в Шарлыкском районе Чкаловской области, очень отдаленном от железной дороги, — они всегда испытывают огромный недостаток в пособиях.

Буду Вам очень благодарен... апрель 1947 г.»

■ «Министру...

Поддерживаю просьбу Шарлыкского райсовета о передаче ему локомотива и генератора по решению исполкома Чкаловского областного Совета.

Шарлыкский район — мощный сельскохозяйственный район, отдаленный от железной дороги. Надо учесть, что районные власти уже

израсходовали более двухсот тысяч рублей на строительство электростанции.

Отмена решения о выдаче им локомотива и генератора ставит районные организации в безвыходное положение. Июль 1946 г.»

4 «Председателю облисполкома т. Софронову И. П.

Направляю Вам письмо ревизионной комиссии колхоза им. Фрунзе о хищении социалистической собственности в колхозе и о волоките в районных организациях в разборе этого дела...

О принятых мерах прошу поставить меня в известность... июнь 1946 г.»

■ «Министру путей сообщения СССР т. Ковалеву И. В.

Дорогой товарищ Ковалев! Очень прошу Вас лично помочь А. Г. Золкиной. Как это явствует из письма (я знаю ее лично), она, несмотря на молодость, заслуженный человек на транспорте.

С ней произошел несчастный случай на железной дороге при исполнении служебных обязанностей. Лучшее всего было бы восстановить ее на той или иной, усиленной для нее работе на транспорте. В крайнем случае, если это невозможно, определить ей пенсию. Может быть, ее можно было бы оставить на пайковом снабжении.

Не откажите известить меня о принятых Вами мерах... Январь 1948 г.»

6 «Ректору пединститута. Уважаемый товарищ Иваницкий!

Нельзя ли сделать исключение для студентки первого курса химико-биологического факультета А. Г. Ягодинцевой и разрешить ей проживать в Вашем общежитии... Просьба моя вызвана тем, что трудно подыскать в Чкалове комнату или угол, особенно поблизости к институту. И в то же время ее отец, проживающий в г. Сорочинске, страдает затяжной болезнью и не может помочь ей организационно и материально...

Март 1948 г.»

7 «Облздравотделу. Прошу Вас вызвать в г. Чкалов Нехорошева П. Е. для обследования состояния его глаз опытными специалистами. Средства, необходимые для поездки и для сопровождения Нехорошева, мною высланы на его имя...

Если это лечение нельзя провести за государственный счет, я окажу Нехорошеву денежную помощь... Апрель 1948 г.»

■ «К. П. Алехину. Ознакомившись с материалами дела, не считаю возможным поддержать Вашу просьбу, поскольку считаю решения судебных инстанций правильными.

Возвращаю Ваши документы. Сентябрь 1948 г.»

Восемь из четырех тысяч...

«Фадеев не терпел нейтральных в борьбе. Здесь — ключ к фадеевскому характеру. Запомним его таким...»

Это написала Вера Инбер. Она знала Фадеева много лет.

Мне такого счастья не выпало. Но вслед за старой писательницей я могу повторить: да, не терпел и не был, никогда и ни в чем не был нейтральным он сам.

И снова говорит депутат Фадеев...

...«Пересылаю Вам письмо одного бойца по поводу тяжелого положения его семьи, проживающей в селе Землянке. Очень прошу Вас выяснить, в чем семья нуждается, и оказать ей помощь через районные организации или через колхоз...»

...«Я думаю, что райисполком обладает достаточной властью, чтобы обеспечить себя квартирами не за счет медицинских работников...»

...«Вопрос, поставленный Вами в письме, имеет, несомненно, большое государственное значение...»

Фадеев — депутат... Он в памяти избирателей. Он в письмах, которые хранят архивы и люди.

Вступительная заметка и публикация Л. БОЛЬШАКОВА. Оренбург.

А. Мельников. Род. 1939. СТРОИТЕЛИ. ДАЕШЬ БАМИ 1980—1981.

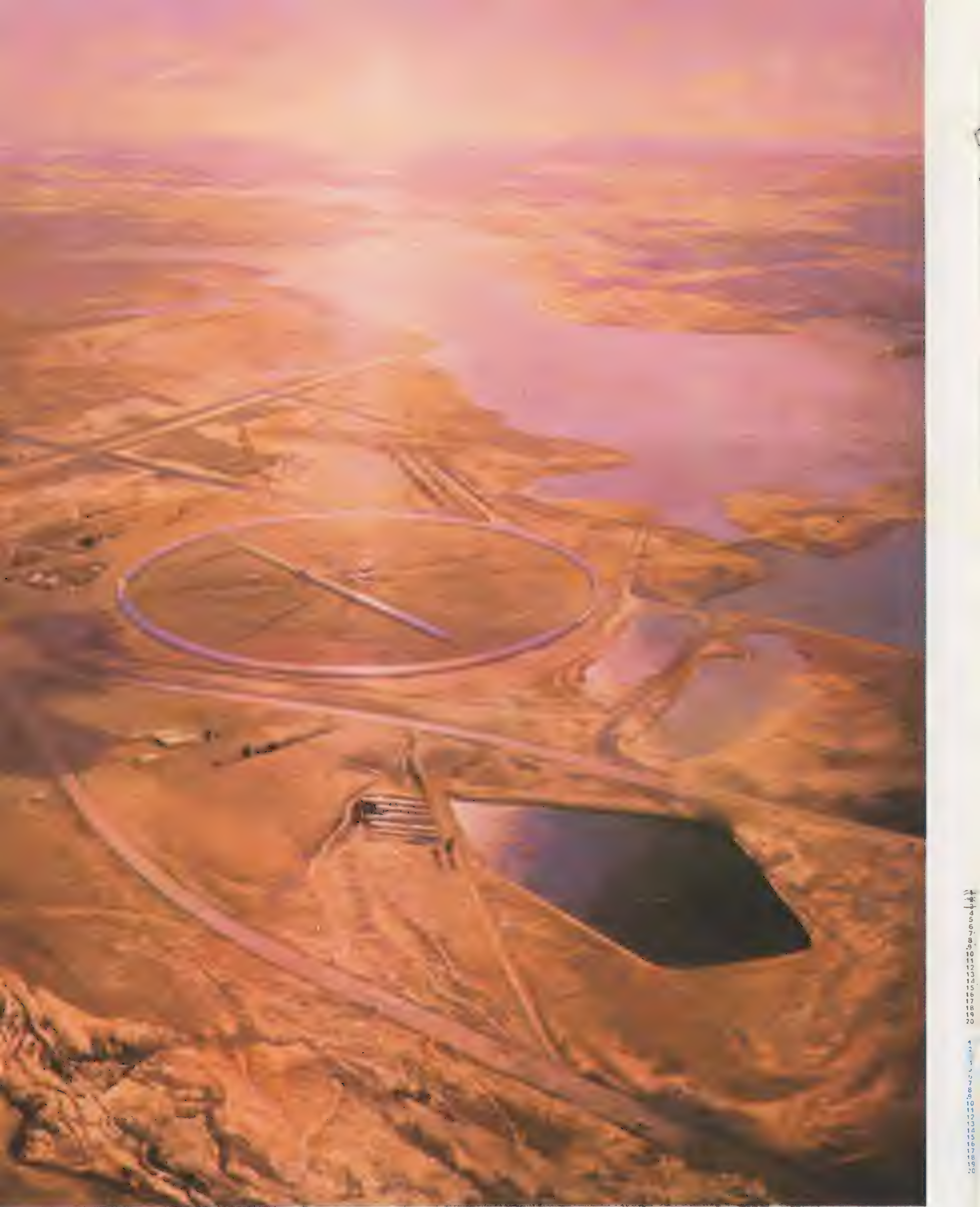

А. Ткачев. Род. 1925. С. Ткачев. Род. 1922.

МАЙ СОРОК ПЯТОГО. 1980—1981.

С. Краснов. Род. 1948. ДОРОГИ, ВЕДУЩИЕ НАС. 1981.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

Цезарь СОЛОДАРЬ

Одна из улиц, неподалеку от Шаболовки, носит имя Лестева. Кто же он, чьим именем названа столичная улица? «Замечательный коммунист и бесстрашный воин». Такими короткими, но столь много говорящими сердцу советского человека словами не очень-то щедрый на похвалы Маршал Советского Союза Г. К. Жуков охарактеризовал дивизионного комиссара Д. А. Лестева.

Из тридцати семи лет своей до обидного короткой жизни Дмитрий Александрович пятнадцать отдал Красной Армии. В сентябре 1926 года молодой землеустроитель впервые надел красноармейскую шинель со знаками саперных войск в петличках, а 19 ноября 1941-го член Военного совета, начальник политуправления Западного фронта Д. А. Лестев был насмерть сражен осколком вражеской бомбы. Произошло это на Ленинградском шоссе близ деревни Спас-Завулок, где дивизионный комиссар принимал прибывшие с Урала танковые эскадры и после короткого отсутствия отправлял на передний край.

Смерть настигла Д. А. Лестева

затем, что он глубоко партийный человек.

В семье воинов-забайкальцев получает Д. Лестев и первое боевое крещение. Когда японская военщина в мае 1939 года напала на Монгольскую Народную Республику, Д. Лестев в первые же часы военных действий был на переднем крае наших войск, выступивших на защиту братской Монголии.

Четыре с лишним месяца, до последнего часа сражений, Дмитрий Лестев шел с частями, сражавшимися на склонах Большого Хингана и у озера Буир-Нур. В памяти ветеранов этих ожесточенных боев Дмитрий Александрович по сей день живет как по-настоящему бесстрашный человек. Многочисленными примерами подтверждают они, что священный лозунг «Коммунисты всегда впереди!» полковой комиссар Лестев пропагандировал личным примером.

Уже тогда он показал себя вдумчивым и пламенным агитатором, умевшим горячо, без ходульных и вычурных фраз говорить с красноармейцами. Просто и убежденно, с неизменной улыбкой беседовал он с красноармейцами и в ту памятную августовскую ночь, когда советско-монгольские войска перешли в решительное наступление, завершившееся окру-

заправского оратора. А как он на наших глазах подмечал в подразделениях детали и штрихи, на первый взгляд второстепенные, а на поверку весьма существенные! Не сговариваясь, мы с Шолоховым решили: есть что-то в Лестеве фурмановское. Если бы вам посчастливилось знать Фурманова, вы бы, несомненно, согласились с нами. Ведь подобно Фурманову он сознавал: советского бойца надо воспитывать не только смелым, но и глубоко сознательным, тогда и смелость придет! В поездке по частям мы не раз видели, как быстро удавалось Лестеву разговорить самого сдержанного или хмурого бойца. Причем боец тут же забывал, что беседует с начальством... До мозга костей большевик — вот каким был Лестев. Да еще с яркими чертами интеллектуальной одаренности, с неиссякаемым запасом духовных сил.

...Вероломное нападение гитлеровцев на нашу страну застало Д. Лестева на посту начальника управления политической пропаганды Западного особого военного округа. Участникам войны памятна тяжесть неожиданных ударов врага по частям этого округа, на которые немецко-фашистское командование обрушило свои главные наземные и воздушные силы.

ся маленьких дочек Маши и Нины, он с методическим упорством сколачивал политорганы частей Западного фронта. Как и многие кадровые политработники, он сразу же оценил огромную важность решения партии и правительства о реорганизации управлений и отделов пропаганды в политуправления и политотделы, о введении должностей военных комиссаров и политруков.

Решительные, подчас суровые, подлинно большевистские действия Дмитрия Александровича в первые недели войны запечатлели в своих военных дневниках Константин Симонов. Он впервые встретил дивизионного комиссара Д. Лестева в конце июня сорок первого в лесу под Могилевом, когда диверсионно-десантные группы врага пытались дезорганизовать наши тылы. Встреча эта, как и многие последующие, была короткой: напряженная обстановка исключала возможность продолжительных бесед. И тем не менее К. Симонов, узнавший за годы войны немало военачальников и крупных политработников, убежденно пишет, что Дмитрий Александрович Лестев «был одним из тех людей, о которых в противоречивой обстановке войны самые разные люди неизменно вспоминали как о справедливом, храбром и прямом человеке и,

КОМИССАР

на боевом посту в ноябре сорок первого — месяце, который К. К. Рокоссовский впоследствии назвал самым тяжелым в летописи подможских сражений. А девятнадцатое ноября был один из тех особенно тяжелых дней, когда, по свидетельству Г. К. Жукова, «враг, не считаясь с потерями, лез напролом, стремясь любой ценой прорваться к Москве своими танковыми клиньями».

К этому дню Д. А. Лестев прошел большой и сложный путь питомца замечательной кузницы кадров армейских политработников — Военно-политической академии имени В. И. Ленина. Пришел он туда двадцатидевятилетним. Но за плечами уже был немалый жизненный опыт. Ведь комсомольцем он стал в ту бурную пору, когда еще слышались отголоски гражданской войны и белогвардейские выкорышки, яростно мешая становлению социалистического села, стреляли из обрезов в деревенских активистов. В 1923 году крестьяне села Долгуша, что под Курском, избрали девятнадцатилетнего комсомольца, сына сельского учителя, выпускника землеустроительных курсов Митю Лестева членом сельсовета. А перед поступлением в академию он уже прослужил семь лет в Красной Армии.

Забайкалье... Здесь около двух лет Дмитрий Лестев на практике осуществляет то, чему так настойчиво учился в академии. И прежде всего воспитывает в подчиненных и в себе самом дух партийного понимания любой работы, именно то, что Михаил Иванович Калинин считал самым существенным признаком коммуниста, о котором по праву можно ска-

жением крупной группировки японских войск.

В чем причина того, что люди, вместе с которыми Д. Лестев воевал на Халхин-Голе и на Карельском перешейке, более сорока лет хранят в сердце образ умного и храброго комиссара?

Думаю, что самым точным ответом на этот вопрос будут слова Александра Александровича Фадеева. В 1942 году, беседуя с молодыми писателями-фронтовиками из газеты Западного фронта «Красноармейская правда» на пленуме Союза писателей СССР, А. А. Фадеев сказал:

— Моя встреча с Лестевым на фронте была короткой. Но такого человека не забудешь и после самой мимолетной встречи. Очень уж рельефны и неистощимы в нем напластования духовных сил. И мы с Михаилом Александровичем Шолоховым ощутили это в первые же минуты беседы с Лестевым; а встретились с ним в крайне нелегкие дни боев под Смоленском. Наши войска сдерживали натиск вражеских войск на дальних подступах к Москве. По несколько суток кряду не знал Лестев ни минуты отдыха. Его умные пытливые глаза глубоко западали. Обрамлявшая их чернота говорила об испытаниях, выпавших на долю главного политработника фронта. Но говорил он с нами, да и со всеми окружающими непринужденно, просто, то и дело пересылая речь острыми, с лукавинкой словами. И сдержанность, за которой ощущался огромный темперамент, и сердечная щедрость прирожденного политработника вселяли в людей гораздо больше веры в победу, нежели пышная, цветистая речь

Горечь отхода. Ее сполна испыли в первые недели войны вместе со своими товарищами по оружию Дмитрий Лестев. Леса Белоруссии, большаки Смоленщины, до боли дорогие места, сухо именовавшиеся в сводках Советского информбюро «дальними подступами к Москве». Все это — пяди родной земли. Но Д. Лестев верил, что придет желанный час, когда, грома фашистские полчища, наши войска по этим же дорогам ринутся на запад. Он внушал эту веру бойцам и командирам. Энергично, без суеты, скрывая от всех гнетущую тревогу за судьбу своих неизвестно где находивших-

характеризуя при этом его качества политработника, часто употребляли слова: «Это был настоящий комиссар». В строгом смысле слова, он по своей должности не был комиссаром, и эти слова были просто данью его высоким политическим и человеческим качествам».

С первых дней войны Д. А. Лестев глубоко осознал, какую огромную помощь может оказать политорганам фронтовая печать. Многие писатели, назначенные в армейские и дивизионные газеты Западного фронта, очутились в последние дни июня в Красном Бору под Смоленском, где образовался своеобразный пункт резерва политработников. И вот — встреча с Д. А. Лестевым, прибывшим распределить нас, литераторов, по газетам.

Враг подходил к Смоленску. Но дивизионный комиссар хорошо владел собой, был деловит и не терял свойственного ему чувства юмора. Его организованность и выдержка тотчас передавались всем, кому он давал назначения. А ведь многих он прямо предупредил, что не может сейчас точно сказать, где находится редакция газеты, куда они назначены.

Тут же, в лесу, сидя на пеньке, Д. А. Лестев увлеченно называл писателям темы очерков, рассказов и стихов. Одну помню до сих пор.

— Надо обязательно написать живо и без прикрас о Рубене Ибаррури. Подумайте, сын пламенной Пасионарии, участник боев у Мадрида, сражающийся ныне на дальних подступах к Москве! Может ли быть более убедительный пример пролетарского интернационализма в действии!

Через несколько дней во фронтовой и центральной печати появились корреспонденции и очерки о мужестве лейтенанта Рубена Ибаррури в боях на Березине. Двое суток не выходила из боя группа лехотинцев под его командованием. Ведя неравный бой с танковыми колоннами, Рубен и его бойцы сумели удержать мост через Березину до последней минуты прохождения наших войск.

19 июля в части прибыло несколько рот политбойцов, подготовленных из коммунистов Московской, Ивановской, Горьковской, Тульской, Калининской областей. Несказанно обрадовался Дмитрий Александрович такому замечательному пополнению! Он был убежден, что посланцы партии сумеют личным примером воодушевить бойцов на героические подвиги, помогут командирам твердо и оперативно руководить частями и подразделениями.

Особенное внимание Д. А. Лестев уделял тогда частям, сражавшимся в тылу врага и с боями выходившим к линии фронта. Сейчас, листая торопливо написанные оперативные документы тех дней, убеждаешься, сколь многочисленны были воодушевлявшие бойцов примеры героизма политработников. Приведу пример, связанный с наиболее героической страницей первых недель войны, — оборонительными боями в районе Смоленска, теми боями, которые помогли сорвать немецко-фашистские планы молниеносного прорыва к Москве.

Дни и ночи, сутками не выходя из боя, отважно сражалась под Смоленском танковая рота старшего лейтенанта Зиненко. Его танк всегда был впереди. Но в одной горячей схватке, когда головная машина уничтожила несколько противотанковых пушек и пулеметных гнезд противника, Зиненко был тяжело ранен. Командование ротой принял на себя политрук Носов. Он оказался достойным преемником смелого командира. Танкисты продолжали сражаться так же упорно. Под их прикрытием наша пехота перешла в контратаку и сумела задержать на важном направлении продвижение вражеских войск. Об отваге Носова и его танкистов была издана листовка.

А подвиг политрука Пылаева, принявшего на себя командование окруженной вражеским кольцом артиллерийской батареи!

Образцы героизма и самоотверженности, проявленные Носовым и Пылаевым, старшим политруком Шабуниним, политруком Репетием и десятками других политработников в боях за столицу, стали известны всему фронту. Д. А. Лестев гордился такими подвигами, ставил их в пример всем политработникам.

До сих пор не могу понять, как начинали политуправления, не вылезавший, казалось, из окопов и землянок и вникавший во все многогранные сферы политработы на огромном фронте, выкраивал время для конкретного руководства фронтовой печатью. Не раз редактор «Красноармейской правды» бригадный комиссар Т. В. Миронов передавал работавшим во фронтовой газете писателям меткие и поучительные замечания дивизионного комиссара по поводу их выступлений на страницах газеты.

Пристально следил Д. А. Лестев за работой писателей и журналистов, работавших корреспондентами центральных газет в частях фронта. Он часто ставил в пример корреспондента «Правды» Владимира Петровича Ставского, автора популярных перед войной книг «Станица» и «Разбег». Подчеркивал, что к этому молодому и не очень здоровому, тяжело раненому в боях с белофиннами писателю на фронте пришла как бы вторая молодость. Д. А. Лестеву нравилось, что материалы для своих очерков и корреспонденций Владимир Петрович добывал на переднем крае. Подметив, что в очерках Ставского преобладают не авторские описания и комментарии, а непосредственные, живые рассказы участников боев, Лестев подкинул:

— Умеет, да, умеет Владимир Петрович найти подход к любому бойцу — и сдержанному, и тоскующему, и к такому, кто просто еще не освоился на линии огня. Большое это искусство для писателя-фронтовика, огромное!

Понимая, с какой жадностью вчитываются во всех уголки страны в каждое газетное сообщение с фронта, Лестев неустанно требовал от командиров и политработников:

— Помогайте военным корреспондентам. От их работы во многом зависит боевой дух тыла.

Как-то ему доложили, что один из командиров узла связи невнимательно относится к телеграммам корреспондентов центральных газет, задерживает их и даже самовольно сокращает.

Нетрудно было заметить, как побледнел Д. А. Лестев, услышав это. Он приказал немедленно вызывать к нему подполковника. Честно говоря, мы пожалели о своей жалобе. Тишину нарушил приход подполковника. Все старались не смотреть на него в ожидании предстоящего «разноса». Д. А. Лестев внимательно вгляделся в нервное, изможденное лицо молодого связиста, с трудом превозмогавшего страшную усталость.

— Где находится ваша семья, подполковник?

— В Златоусте, товарищ член Военного совета. — И, охотно делаясь своей радостью, подполковник добавил: — Позавчера получил наконец первое письмо.

— Как устроились ваши родные?

Как бы не замечая окружающих и официальной обстановки, подполковник еще охотнее, с ощущением неожиданно возникшей доверительности ответил:

— В экономистах там сейчас нужды нет, и жена пошла в цех, на оборонный завод. А сын, хотя она и возражала, тоже пошел к станку.

— Сколько лет сыну?

— Двенадцать. В школе его за гербарий прозвали профессором ботаники, а вот видите, на сверловщика учится.

— Как, по-вашему, — подошел к подполковнику Лестев, — интересно вашей жене и сыну узнать, как сражаются наши войска там, где сейчас выполняет свой воинский долг самый близкий им человек, на подступах к Москве? Мне кажется, прочтут они, допустим, как наши кавалеристы учили вчера сабантуй в тылу врага, и работа у них лучше будет спориться. Согласны со мной?

Подполковник молчал. И, только разглядев присутствующих и узнав столь часто досаждавших ему корреспондентов, он понял, почему его вызвал дивизионный комиссар.

— Так вот, — продолжал Лестев, — настроение вашей семьи и еще, может, миллионы людей зависит и от того, придут ли своевременно в центральные газеты корреспонденции этих товарищей.

— Все понял, товарищ член Военного совета, — отчеканил подполковник. — Корреспондентам больше жаловаться не придется.

...Когда знавшие Д. А. Лестева ветераны боев за Москву в наши мирные дни вспоминают славные дела пламенных комиссаров, их мысли неизменно обращаются к проникновенным, пронизанным ленинской правдой словам Леонида Ильича Брежнева из книги «Малая земля»:

«Настоящий политработник в армии — это тот человек, вокруг которого группируются люди, он доподлинно знает их настроения, нужды, надежды, мечты, он ведет их на самопожертвование, на подвиг. И если учесть, что боевой дух войск всегда признавался важнейшим фактором стойкости войск, то именно политработнику было доверено самое острое оружие в годы войны»...

В ГОСТЯХ

Ванда БЕЛЕЦКАЯ,
специальный корреспондент
«Огонька»

Обычно Человек выбирает Дело. Но бывает, что Дело выбирает Человека. Пожалуй, именно так случилось в жизни Думитру Прунариу — первого космонавта Социалистической Республики Румынии.

— Если не космонавтом, то кем бы вы хотели быть? — спрашиваю я Прунариу.

— Летчиком, — быстро отвечает он. — Или авиаконструктором. А может... фоторепортером. Очень люблю фотографировать! Много снимал и дома в Брашове и в Звездном.

— И в космосе, во время полета?

— Конечно! По программе и для себя. Как только выпадало свободное время. — Прунариу минуту в раздумье молчит, но потом твердо заканчивает: — Нет, все-таки летчиком — без неба жизни не мыслю. Так было и раньше, еще в лицее. Но родители волновались, мама даже плакала: летчик — это так опасно. Вот я и решил их успокоить...

— ...и стал космонавтом!

Думитру озорно хохочет. Он самый молодой из космонавтов, много старше первого советского спутника Земли (которому скоро четверть века), но выглядит — особенно когда вот так заразительно смеется — совсем мальчишкой. Однако молодость не помешала ему выполнить сложнейшую работу в космосе, быть в полете собранным, мужественным, проявить и отвагу и прекрасные инженерные знания.

Мы сидим в уютной гостиной старинного здания Дома румынской армии в центре Бухареста. Прунариу только сегодня утром вернулся из командировки, ездил по стране, встречался с рабочими, учеными, студентами, работниками сельских кооперативов. Все хотят увидеть первого космонавта республики, у всех к нему вопросы.

Задаю вопрос и я: вспоминает ли он Звездный?

— Ну, конечно. Никогда его не забуду. И родители, жена, дети тоже.

Они были там во время полета. Его жена Крина — инженер-авиатор.

— Крина так волновалась, что за время моего полета похудела на четыре килограмма, а я — лишь на восемьсот граммов, — шутит Думитру. — А вот сыновья были совершенно спокойны. Ведь они ходили в садик, где у многих папы уже побывали в космосе, а у других — готовились к полету. И когда увидели меня по телевизору с орбитальной станции, даже не удивились. Необычно только, что от телевизора их никто спать не гонит.

— А нем сыновья хотят стать? — Старший Кэзэлин — ему шесть лет — утверждает, что будет летчиком, а младший Даниел — ему четыре, — конечно, космонавтом.

Я спрашиваю, какой эксперимент на орбите пришелся Прунариу особенно по душе.

— Кроме фотографирования, которое я так люблю, пожалуй, монтаж установок для экспериментов «Астро-2» и «Биодоза». Мне самому хотелось провести монтаж на орбите румынских приборов, использовать свои инженерные знания. А потом было интересно измерить поток космической радиации в разных точках витка. По программе требовалось измерять радиацию каждые десять минут, а в районе аномалии каждую минуту. Однако, когда мы вошли в район аномалии над южной частью Атлантического океана, интенсивность излучения стала так быстро возрастать, что я решил изменить программу и стал мерить каждые пятнадцать секунд. Как я узнал потом, ученым, ведущим эксперимент, это помогло при обработке результатов.

Много и взволнованно рассказывает Думитру о Леониде Попове, с которым он совершил полет. Попов для него идеал космонавта и друга.

— Вы знаете, какая главная черта характера Леонида? Доброта! Это — лучшее качество человека, особенно космонавта, понимаете?

...Понимаю. Их мужество, их героизм, их подвиг — из доброты, из любви к людям, к родине. Именно такие люди прокладывают пути к звездам. Об этом писал еще Циолковский...

— Где было труднее — в космосе или на тренировках? — продолжает отвечать на вопросы Думитру. — Пожалуй, на тренировках. Наверное, так и должно быть, чтобы космонавт был готов к самым различным ситуациям. Сколько аварийных вариантов задавали нам с Леной в тренажере! То у нас разгерметизация, то еще что-нибудь похуже. Раз, помню, пришел я на занятия по тренировке вестибулярного аппарата. Слишком усталым — кажется, в теннис переиграл. «Коля, — говорю тренеру, — дай сегодня полегче». «Хорошо», — отвечает. И как начал! Я даже обиделся. Вышел чуть жив. Говорю: «Просил же как друга, устал ведь, а ты...» «Я и есть друг», — отвечает. — В космосе ты, думаешь, не устанешь?»

Были ли трудности во время полета? Нет. Леня всегда был рядом. Предупреждал, чего надо ожидать, я-то ведь летел впервые. А на орбите очень помогали своими советами Коваленок и Савиных. Никаких экстремальных ситуаций не возникало. Только вот, когда приземлялись, парашют раскрылся всего на четыре секунды позже, но нам они показались долгими минутами.

Что запомнилось еще? — продолжает Думитру. — Если в порядке шутки, то как мы резвились в невесомости: например, выпускали «плавать» еду и гонялись за ней, чтобы поймать ротом. Смеялись, конечно, друг над другом. Никогда не забуду, — говорит он уже серьезно, — то прекрасное, ни с чем не сравнимое чувство космического братства, что спаяло нас четверых на орбите. А

У КОСМОНАВТА

Космонавт Прунариу с женой и двумя сыновьями и космонавт Попов с женой.

ведь в этом эксперименте принимали участие космонавты и из других социалистических стран — Чехословакии, Польши, ГДР, Болгарии, Венгрии, Вьетнама, Кубы, Монголии... Все оставили в космическом доме частицу своего тепла. Из космоса начинаешь по-иному смотреть на многое. И Земля кажется не только такой красивой, но и такой хрупкой. И ясно понимаешь, как преступна война. Отец, переживший войну, не раз говорил мне об этом, но с особой остротой я понял и его слова там, на орбите...

...Накануне встречи с Думитру Прунариу я побывала в его родном городе Брашове, где он еще школьником прочитал Циолковского, а затем и воспоминания Гагарина. Жил он тогда в рабочем квартале Стягул Рошу. Здесь же находился завод с тем же названием «Красное знамя». На заводе работал отец Думитру, строил трамваи. Думитру решил строить самолеты и летать на них.

Я прошла по улицам, по которым ходил Думитру, постояла у школы № 10, где он учился, где в ракетном кружке мастерил летательные аппараты, поднялась в горы, откуда он не раз мчался на лыжах.

Снег в этом году выпал в Румынии на редкость рано. Лыжников в горах оказалось предостаточно. Из подъемника с трудом проглядывалась в снежном тумане древняя ратуша в центре города, заводы на его окраине, уже зимние леса и поля. «Интересно, удалось ли Думитру Прунариу после возвращения из космоса покататься на лыжах?» — подумала я тогда.

Теперь я задаю ему этот вопрос. — Нет, как это ни печально. Свободного времени совсем мало.

— Как в космосе?

— Даже меньше, — улыбается Прунариу. — Я ведь готовлюсь в аспирантуру, кое-что написал для будущей диссертации «Стабилизация космического корабля на орбите». И, конечно, занимаюсь, чтобы не терять форму. Надеюсь, что будут у меня еще космические полеты. Ну, а главное — сейчас идет обработка результатов космических экспериментов, в которой я тоже принимаю некоторое участие. Советую вам погово-

рить с нашими учеными — уже есть интересные результаты.

Мы встретились на улице Рома в румынской комиссии по космической деятельности Национального совета науки и техники.

— Космические исследования в Румынии ведутся почти четверть века, по существу, с запуска первого советского спутника Земли. — начал разговор Александру Марин, координатор эксперимента «Астро» на «Салюте-6». Правда, сам он в этих первых исследованиях участия не принимал — учился в школе и только еще мечтал о физике. «Физиками не становаются, физиками рождаются», — обронил он в разговоре. Эту фразу мне уже не раз приходилось слышать от молодых ученых. Конечно, и физиком и космонавтом, как, впрочем, врачом, учителем, поэтом и художником, надо родиться. И все-таки, чтобы стать ими, нужны условия, нужна свобода выбора своей судьбы, та свобода, которую получил румынский народ после победы над фашизмом, после провозглашения республики.

В 1967 году Александру Марин окончил институт и стал работать в лаборатории космических лучей, у которой были самые тесные связи с Дубной, с Институтом ядерной физики Московского университета, с Институтом космических исследований Академии наук СССР. В 1977-м защитил докторскую диссертацию. Приближалось время экспериментов на «Салюте-6».

— Наша лаборатория готовила эксперимент «Астро», — рассказывает доктор Марин. — Во время его проведения на орбите мы были в Советском Союзе, в Центре управления полетом. Постоянно держали связь с Прунариу, хотя он находился в космосе, а мы на Земле.

Один блок детекторов для регистрации сверхтяжелых ионов космического излучения был смонтирован в шлюзовой камере, другой — непосредственно в рабочем отсеке станции. Вот этот прибор «Астро-2» Прунариу монтировал сам: включал и выключал его, управлял сложнейшей электронной аппаратурой, 60 раз менял настройку во время витка.

Зачем нужны подобные эксперименты? Физики надеются узнать, какие частицы находятся в космическом излучении (ведь

многие из них до Земли не доходят), их энергию, откуда они пришли, получить сведения о других галактиках, о межзвездном веществе, может быть, поймать неизвестные нам частицы, дающие информацию о новых формах существования материи, а если нет — проверить вероятность этого, иными словами, понять, как же устроен макро- и микромир.

— По программе «Интеркосмоса» изучались физические характеристики космических лучей вне и внутри станции, а также как влияют они на биологические объекты, например, на семена различных растений, — вступает в разговор Думитру Хашегану, руководитель так называемого эксперимента «Биодоза» на «Салюте-6».

Хашегану окончил в Бухаресте Политехнический институт, работал в Дубне, потом увлекся биофизикой.

— Каковы результаты этого исследования?

— Пока могу сказать лишь о предварительных выводах: доза ионизированного излучения в рабочем отсеке станции в полтора раза меньше, чем в переходном, — работает защита. И еще то, что интенсивность пучка заряженных частиц в центре аномалии в двадцать раз выше, чем в других точках орбиты.

Советско-румынскими биологическими экспериментами на «Салюте-6» занимался и доктор медицины Овидиу Бурдуча. По профессии он врач-гигиенист. Докторскую писал по вирусологии. Космический эксперимент, которым он руководил, называется «Иммунитет». Цель его — исследование противовирусного иммунитета у космонавта и сохранности при полете антисывороточных препаратов.

— Обработка материалов показала, что непродолжительные полеты никаких изменений в этом отношении у космонавтов не вызывают, — объясняет доктор Бурдуча.

— А нас с Дорелом Тома, выражаясь языком журналистов, «позвала в космос мечта о совершенном кристалле», — улыбается доктор физико-математических наук, координатор космического

эксперимента «Капилляр» Войку Лупей. Он окончил в 1963 году физический факультет в Клуже, занимается лазерной техникой.

— Кристалл — сердце лазера. И оно должно быть совершенным, — говорит он. — От него зависит работа всей электронной аппаратуры. А вырастить совершенный кристалл на Земле мешает и гравитация, и разница температур, и отсутствие полного вакуума. Поэтому лазерщики возлагают особые надежды на космические орбитальные станции. Эксперимент «Капилляр» как раз посвящен исследованию этой проблемы.

— Как видите, наша страна вносит свой вклад в исследования космического пространства, ведущиеся по программе «Интеркосмос», — подводит итог импровизированному «круглому столу» сотрудник румынской комиссии по космической деятельности Национального совета науки и техники Тамара Георге. — Проводить эти сложные исследования стало возможным лишь при тесном сотрудничестве стран социалистического содружества, при большой дружеской поддержке ученых Советского Союза.

Тамара самая молодая за нашим «круглым столом» — родилась уже после запуска первого советского искусственного спутника Земли. По профессии она юрист.

— Что же связывает вас с космическими проблемами? — спрашиваю я.

— Моя профессия, — серьезно говорит девушка. — Даже тема моего диплома — «Юридические аспекты прямой передачи программ из космоса на Землю и дистанционное зондирование Земли».

...Да, в наш век космос проникает в самые различные стороны человеческого знания...

Беседа между тем опять возвращается к первому космонавту Румынии Думитру Прунариу.

Я спрашиваю ученых, какая, на их взгляд, черта его характера помогла космонавту столь четко выполнить исследовательскую программу во время полета.

— Мужество, трудолюбие, собранность, блестящая инженерная подготовка, любознательный, пылкий ум. Думается, он станет серьезным исследователем.

...Да, обычно Человек выбирает Дело. Но бывает, что Дело выбирает Человека. Главное — чтобы они встретились.

Бухарест — Москва.

Новогоднее поздравление Д. Прунариу читателям.

Читателям журнала "Огонек"
самые наилучшие пожелания
"С Новым годом" 1982!

Джанны
РОДАРИ

РАССКАЗ

Рисунок
М. ПЕТРОВОЙ

Жил-был на свете один синьор, который очень любил ребят. И вот однажды отправился он покупать игрушки, чтобы подарить их на Новый год своим детям и внукам... Впрочем, не будем затягивать рассказ — этим синьором был я сам. Иду я, значит, по магазинам, вздыхаю у каждой витрины, и чем дальше иду, тем больше теряюсь. Ведь я вышел из дома с гордым намерением купить детям те игрушки, о которых сам мечтал, когда был маленьким, и которые мне так никто и не подарил. Но игрушек этих нигде не было. Наверное, их запрятали куда-нибудь подальше, под лестницу, например, где они лежат и пылятся. А на виду, на самом видном месте во всех магазинах лежали новые игрушки, для меня совершенно загадочные. Я не понимал, что они собой представляют, как действуют и вообще что в них интересного. Наверное, прежде чем отправляться за покупками, мне следовало бы прослушать курс лекций о современной игрушке, и особенно об электронной. Но разве есть где-нибудь такие школы, где папы и мамы, бабушки и дедушки могут получить в этой области столь необходимые сведения и узнать, чем интересуются их дети и внуки, растущие в век атома и имеющие дело с международной индустрией игрушки?!

— Идите-ка сюда! — услышал я вдруг чей-то негромкий голос. — Идите! Что стоите там, пускай корни на тротуаре?!

Голос принадлежал маленькому человечку, выглянувшему из низенькой, темной лавочки, у которой и витрины даже не было. Кто знает, как долго я стоял тут, напрасно проблуждая целый день по магазинам, и кто знает, как давно изучал меня этот странный гомункул, улыбающийся из-за стекол своих огромных очков. Все остальное на его лице было очень маленьким — глаза, нос, рот, усики, острая черная борода.

— А вы что, продаете игрушки? — удивился я.

— Может быть, — ответил он, — если кто-нибудь захочет купить, продам.

— Ну, покажите.

Я вошел в конуру, где едва умещались две деревянные скамейки и небольшой шкафчик, на полках которого лежало несколько миниатюрных коробочек.

— Простите, но я не вижу тут игрушек!

— Сейчас увидите.

Человек взял одну из коробочек и извлек из нее какой-то прибор, который я принял поначалу за обычный пульт дистанционного управления телевизором — такие же кнопки для включения и выключения, для перехода с канала на канал, регулировки звука и настройки цвета.

— Ну, эта штука есть теперь в каждом доме, — разочарованно протянул я. — Уж не думаете ли вы, что этим можно удивить хоть кого-нибудь из ребят?

— Не верите? — улыбнулся человечек. — Нажмите какую-нибудь кнопку. Номер двенадцать, например.

И в тот момент, когда я просто так, из любопытства нажал эту кнопку, мне показалось, что в улыбке его промелькнуло что-то коварное. Но уже...

...Но уже и человечек, и лавочка, и тот уголок Рима, где она находилась, — все, что только что окружало меня, исчезло. Я, правда, по-прежнему сидел, но не на деревянной скамейке, а в шезлонге, стоявшем на верхней палубе какого-то белого парохода, и пароход этот шел по широкой величавой реке, с берегами, заросшими густым лесом.

«Разве по мелководному Тибру стали ходить пароходы?» — подумал я. Но тотчас же понял всю нелепость своего вопроса. По берегам Тибра высились дворцы и соборы, а вовсе не лес, как здесь. Какой-то моряк направлялся ко мне с подносом, на котором я увидел бутылку минеральной воды и стакан.

— Вы уверены, гражданин, что вам не нужно сто граммов водки? — спросил меня моряк, ставя поднос на столик.

— Нет, спасибо, я никогда не пью никаких алкогольных напитков, — ответил я.

И, только сказав это, я вдруг понял, что моряк говорит со мной по-русски и сам я тоже разговариваю по-русски, а на бутылке видна этикетка знаменитой русской минеральной воды. Впрочем, и лакированный разрисованный столик и стоявший на нем черный, с крупными яркими цветами поднос были теми великолепными образцами русского прикладного искусства, которые теперь можно купить и в Риме, в больших магазинах.

Хотел бы я знать, куда же я все-таки попал? Словно в ответ на мой вопрос, левый берег реки, густо поросший темными елями и белыми березами, стал плавно подниматься, пока не взбежал к холму, на вершине которого стояла в окружении деревьев типичная русская церковь с куполами-луковицами. Когда церковь проплыла мимо, берег так же медленно и лениво опустился. Затем река сделала несколько крутых поворотов, и я увидел раскинувшееся вдоль берега село с деревянными одноэтажными домиками. А еще через несколько минут пароход прошел, не останавливаясь, мимо причала, на котором можно было прочесть название «Мышкин».

Мышкин? Разве не так звали молодого, чистейшей души князя, которого великий Достоевский сделал героем своего романа «Идиот»? Но если существует на свете село с таким названием, то оно может быть только в России... Вот, оказывается, где я нахожусь. А река, по которой я плыву, это Волга!

Так размышлял я, растерянный и взволнованный, как вдруг снова появился моряк, что принес минеральную воду. Видимо, пришло время собрать воедино все мои скудные познания в прекраснейшем русском языке и спросить, что же будет дальше.

— Какая следующая пристань? — поинтересовался я.

— Рыбинск, — ответил моряк, — а завтра будем в Казани, послезавтра в Ульяновске, бывшем Симбирске. Потом еще три дня пути, и придем в Астрахань.

«Ага», — заключил я мысленно по-итальянски, — выходит, сейчас мы в верховьях Волги. А вот что будет дальше со мной, пожалуй, лучше не спрашивать ни у этого славного моряка, ни у его капитана, ни у солдат, что поют на нижней палубе, ни у этой хорошенькой девушки, что рассматривает берег в бинокль...»

— Ну как? — окликнул меня человечек, потирая руки. Я опять сидел в его странной лавочке в Риме. — Простите, что я так быстро вернул вас обратно. Мне очень хотелось, чтобы вы познакомились и с другими возможностями этой игрушки, прежде чем купить ее.

— Но что это... Что за чертовщина произошла со мной?

— Никакой чертовщины, синьор. Вы просто

поменяли канал. Хотите побывать еще где-нибудь? Что вам больше по душе — Азия или Африка? Или, быть может, Австралия? Выберите, пожалуйста.

— Ладно, — пробормотал я ошеломленно, — где кнопка, чтобы попасть в Нью-Йорк?

— Номер семь, синьор.

— А возвращение зависит только от вас?

— Ну что вы! Взгляните сюда, нужно только нажать вот эту кнопку, на которой видна маленькая буква «о» — обратно. Приятного путешествия!

Да, да, через мгновение я уже созерцал панораму Нью-Йорка с крыши небоскреба «Эмпайр Стейт Билдинг». На обратном пути я снова заглянул в Рим, в лавочку этого человечка, а потом отправился дальше — в Сингапур, оттуда в Буэнос-Айрес, затем в Бомбей...

— Все понятно! — сказал я человечку. — С помощью обычного пульта дистанционного управления я меняю программы на экране своего телевизора, сидя в кресле у себя дома. А с помощью этого устройства я сам перемещаюсь с канала на канал, из одного места земного шара в другое. Но это... Это же... А почему, собственно, я ничего не слышал об этом до сих пор?

— Что вы хотите, — ответил человечек, — пока что только я один изготавливаю эту игрушку и к тому же я терпеть не могу рекламы. Но скоро, вот увидите, японцы скопируют ее у меня. И тогда она заполнит все витрины, как теперь они ломятся от электронных игрушек с надписью «Мейд ин Джапан» («Сделано в Японии»).

— Возможно, — согласился я, — возможно. Но пока что я должен вам сказать, что эта ваша игрушка просто чудо. Вы только представьте, как она поможет детям изучать географию.

— Ну, если в этом смысле, то она с таким же успехом поможет им изучать и историю.

— Не станете же вы уверять, что...

— Ну, да, именно это я и хочу сказать. Больше того, я сейчас продемонстрирую вам это. До сих пор вы перемещались по пространственным каналам. Но если сдвинуть вот этот рычажок, то прибор начнет работать на временных каналах.

— Машина времени?

— В каком-то смысле... Хотите испробовать? В какую эпоху вам хотелось бы перенестись?

— Гм... — задумался я. — Знаете, прежде чем выйти на пенсию, я преподавал в школе латынь. Я не отказался бы от личной встречи с Юлием Цезарем, ведь я столько заставлял детей переводить его бессмертные произведения, столько раз объяснял им их.

— Что касается меня, я предпочел бы увидеться с Горацием, который умел наслаждаться жизнью... Но если вы хотите видеть Цезаря, пусть будет по-вашему...

Не стану рассказывать, каким образом я оказался в античном Риме как раз в тот самый год, в тот день и час, когда фанатичные злоумышленники предложили Цезарю императорскую корону.

— Цезарь! — закричал я что было сил (полатыни, разумеется). — Не надо рисковать! Откажись. Они погубят тебя.

— Что ему нужно? — спросил Цезарь у Брута, стоявшего рядом с ним.

— Наверное, корону! — коварно хихикнул Кассий.

— Цезарь! — снова закричал я. — Смотри, они предадут тебя. Они уже наточили кинжалы. И ждут только мартовских ид.

— Что он такое говорит? И что за ужасная латынь! — рассердился Цезарь.

Когда я услышал, как ругают мою латынь — а ведь я сорок лет надрыл себе горло, обучая этому языку детей, — у меня перехватило дыхание, и я не смог ответить диктатору. А он между тем, смеясь, удалялся со своими приближенными. Ко мне подошли центурион и три или четыре легионера с мечами в руках.

— Так это тебе нужна корона? Хочешь стать

НОВОГОДНИЙ ПОД

римским императором?—спросил один из них.— Не возражаю, но сначала тебе придется отдать нам свою голову, чтобы мы могли украсить ее короной.

Говоря так, он занес надо мной руку с мечом. И мне не оставалось ничего другого, как нажать кнопку возврата в наш век.

— Я вижу, вы взмокли,— заметил человек.— Жарко было в античном Риме?

— Я покупаю эту игрушку,— ответил я, вставая.— Покупаю и беру назад все, что говорил до сих пор по поводу слишком заумных игрушек. И отказываюсь от лошадок-качалок и кукол.

— Подождите, не спешите,— ответил человек.— Прежде чем покупать игрушку, вам ведь надо научиться управлять ею. Пока же вы познакомились только с пространственными и временными каналами. А не хотите ли заглянуть в будущее?

— Ах, да, я как раз хотел спросить: тут есть и такой канал?

— Разумеется, и, кроме того, еще межпланетный. Я дам вам руководство по управлению. А пока не хотите ли слетать на Марс или Венеру? Или побывать на космической станции? А из созвездий какому вы отдаете предпочтение?

Конечно, у меня было любимое созвездие, и я захотел посмотреть вблизи на большую красную звезду Антарес, которую еще мальчишкой выбрал себе путеводителем. Потом я некоторое время побродил по кольцам Сатурна, добрался до края нашей Галактики и взглянул на другие миры. Достаточно было только нажать кнопку, и световые года начинали скользить у меня под ногами, словно ковер.

Да, я увидел Землю такой, какой она будет

в 200-тысячном году, но я ничего не скажу о том, что я увидел. Тому, кто читает детектив, не раскрывают раньше времени имени преступника.

Когда же я вернулся в наш век, то окончательно влюбился в эту игрушку, обладавшую таким необыкновенным могуществом.

Если она стоит не слишком дорого, решил я, то куплю ее и для Паоло, и для Чечилии, и для Луки, и для Моники... И одну для себя! Такая игрушка может пригодиться и преподавателю латыни, вышедшему на пенсию.

— Итак,— обратился я к человеку,— подойдем к финишу, то есть к цене?

— Подождите, синьор, тут есть еще команды, с которыми вы незнакомы.

— Неужели? Не может быть!

— Особенно важно познакомить вас с одной из них.

— Я весь внимание.

— Так вот, видите вот этот глазок фотоэлемента? И эту маленькую желтую кнопку внизу слева?

— Вот она. Желтая. Внизу слева.

— А теперь направим этот глазок в сторону вон той картины на стене.

Тут я заметил, что на стене в глубине лавки висит картина, впрочем, даже не картина, а какая-то грубая олеография, из тех, что изображают обычно сцены из опер.

— Что это, «Трубадур»?— спросил я.

— Нет, нет, «Трубадур» тут ни при чем. Разве не узнаете? Это же первый акт из оперы «Мефистофель».

— Ах да, вы правы. Ну и что?

— Вот что.

Человек направил прибор в сторону картины, и она исчезла. Вместо нее на стене осталось лишь блеклое пятно.

— Потрясающе!— воскликнул я.— А можно вернуть картину?

— Конечно!— ответил человек.— Достаточно нажать вот эту зеленую кнопку внизу справа.

Он нажал ее, и картина вновь оказалась на своем месте.

— Поразительно. А где она пропадала?

— В каком смысле где?

— Ну, куда она девалась, куда улетела? На другой канал?

— Наверное,— ответил человек, пожав плечами.— Не все ли равно, где она была? Если мне хочется, чтобы она исчезла, она исчезнет. Хочется, чтоб вернулась,— возвратится.

— Гм...— растерянно промычал я.— И так можно поступать с любым предметом?

— Конечно. Иначе игрушка не имела бы цены.

— И... с людьми тоже можно проделывать такой фокус?— робко поинтересовался я.

— Разумеется,— смеясь, ответил человек.— И это самое интересное!

— Понимаю. Конечно, понимаю, что это самое интересное. Но знаете, поскольку речь идет об игрушке, которую дарят детям...

— Ну и что? Вы думаете, у детей никогда не возникает желания от чего-то или от кого-то избавиться?

— Видите, если бы речь шла только о «чем-то», я бы не очень беспокоился. В худшем случае Паоло, когда не захочет есть овощной суп, уберет его со стола и, разумеется, не подумает вернуть обратно. А Моника — так та начнет регулярно отправлять подальше шпинат. Вы ведь, конечно, знаете, что дети вообще не любят шпинат.

— Значит, долой шпинат!

— Да, долой шпинат. А мама...

— Мама решит, что с некоторых пор Моника съедает свой шпинат со сверхзвуковой скоростью, и будет довольна.

— Нет, я хотел сказать другое. Представьте, что Моника рассердится на маму и, как только та отвернется, отправит ее на другой канал.

— Ну и что? Когда она соскучится по маме, то вернет ее простым нажатием кнопки.

— А представьте, что отец Луки даст своему сыну хороший подзатыльник, как это бывает иногда, и Лука вместо ответа нажмет желтую кнопку внизу слева.

АРОК

ЖИЗНЬ КАК МИГ

Всего двадцать шесть лет прожил Максим Богданович. Звездой промелькнул он по литературному небосклону, оставив своей родной Белоруссии великолепное творческое наследие.

Он родился в Минске и первые детские годы провел на белорусской земле, а затем отца будущего поэта Максима Адамовича Богдановича перевели в Нижний Новгород. Здесь Максим поступил в гимназию. Его отец был дружен с Горьким, и, конечно, пятилетний мальчик видел Алексея Максимовича — тот неоднократно заходил

в нижегородскую квартиру своих друзей.

В литературу Максим Богданович вступил, когда еще была свежа память о революции 1905 года. Известно, как много значила она для судеб многих писателей. Ломались мировоззрения, создавались революционные стихи и песни, поэты выходили на улицы с красными знаменами, сражались на баррикадах. В студенческих волнениях принимал участие и юный Максим Богданович. Тогда же понял он, как много может сделать в борьбе против угнетателей настоящий поэт. Он узнал творчество Коласа и Купалы и пошел по их стопам, но заговорив своим, таким поэтически тонким, таким психологически проникновенным языком. Узнал он лучше и родную Белоруссию, побывав на ее земле, проникнув в нужды и чаяния трудового народа своей родины. Ведь живая адала от Белоруссии, он то-снова по ней и всегда помнил о родной стороне. Боль, которую он испытывал, думая о тяжелой доле белорусского народа, выливалась в пронзительных стихах:

Край мой родимый! Как
проклятый богом —
Сколько выносишь ты горя.
Тучи, болота... Над жнивом
убогим
Ветер кружит на просторе.

Нищих селений и пашен
картины
Так безотрадны и хмуры...
Жалкие избы, березки, осины,
Люди забиты, понуры...

Много трудились их черные
руки,
Крепкие плечи и спины,
Много заставили вынести их
мук
Пуши, разлоги, низины.

Глянь на страданья
крестьянского люда,
Сердце, и плачь безутешно:
Сколько увидишь ты горя
повсюду,
Сколько души безнадежной.

В песне поется, как вдовьего
сына,
Янку, любовь погубила;
Там, где понуро склонилась
калина,

Бедного хлопца могила.
В сказках — о счастье, о
солнце свободы
Сердце вестей не почует.
Горе стеснило дыханье народа,
Горе повсюду панует.

Тяжкой волной разлилось,
словно море,
Край наш родной затопило...
Братья! Людское развеим ли
горе?
Хватит ли, братья, нам силы?

Творческие возможности Богдановича были огромны. Книга «Венск» — единственный сборник, вы-

шедший при жизни поэта, — ярко свидетельствует о его поэтическом таланте, глубоком философском взгляде на жизнь.

А как много сделал он для знакомства белорусского народа с шедеврами мировой литературы. Человек широко образованный, владевший в совершенстве многими языками, он переводил Горация, Овидия, Шиллера, Гейне, Верлена, Пушкина, Лермонтова... Богданович писал и на русском языке и перевел на русский некоторые произведения украинских писателей, в том числе Т. Шевченко и И. Франко.

Поэт, критик, историк литературы, он, почти юноша, стоял у истоков белорусской литературы. Цель, к которой стремился и которой служил М. Богданович, он точно сформулировал в 1915 году в статье «Забывший путь»: «Белорусских стихов еще не было, но они должны быть и будут! Как всякий народ имеет свою национальную душу, так имеет он и свой особенный склад творчества, более всего отвечающий этой душе. Есть он (этот склад) и у нас, белорусов, и мы должны вернуться к нему, чтобы внести что-нибудь свое в сокровищницу мировой культуры, чтобы влить в нашу поэзию свежие соки, стать ближе к душе родного народа, лучше уловить ее духовную жажду и по-настоящему взяться за великий труд: развитие белорусской народной культуры».

Н. САЗОНОВ

— Отец Луки исчезнет, — засмеялся человек, — и Лука воскликнет: «Уф!» Скажите, а вам нравились подзатыльники, чаще всего несправедливые, которыми награждал вас в детстве отец?

— А потом, — продолжал я, не отвечая на его вопрос, — Лука пойдет в школу, и ему наскучит учительница, он отправит ее ненадолго в ссылку на другой канал, до тех пор, пока не почувствует, что опять может терпеть ее присутствие...

— А вы представляете, — прервал меня человек, — сколько ненужных неприятностей доставляют детям слишком требовательные и назойливые взрослые?

— А вы понимаете, — настаивал я, — что ваше телеуправление в руках детей — это невиданное террористическое оружие?

— Какое же это оружие! — рассердился человек, стукнув кулаком по столу. — При чем тут терроризм! Телеуправление не ранит и не убивает, не причиняет контузий. Даже царапины не оставляет. Безвреднее, чем укус мухи! Оно заставляет исчезнуть, а не умереть. И с такой же легкостью возвращает обратно.

— Смерть и воскрешение гарантированы! — усмехнулся я.

— Для ребят эта игрушка будет своего рода оружием справедливой самозащиты.

— Браво! — воскликнул я. — И они будут развлекаться, изображая сироток, брошенных в лесу, будут устраивать в школе одни перемены, отправят в никуда книги, парты, тетради, классные журналы с плохими отметками по поведению, а заодно и учителей...

— Вам, я вижу, такая перспектива не по душе? Вы случайно не из тех педагогов, которые призывают вернуться к розгам?

— Оставим педагогику, — возразил я. — Вы лучше объясните мне, куда деваются люди, которых эта игрушка заставляет исчезать, пусть даже временно. На другой канал, вы говорите? А на какой? В нашей Галактике или подальше? В наши дни или в доисторические времена, к каннибалам?

— Ответить на этот вопрос совсем несложно, — успокоился человек. — Пойдемте со мной.

Мы вышли на улицу и оказались недалеко от Пантеона. В нескольких метрах от нас регулировщик уличного движения управлял потоком транспорта.

— Вот это вполне подходящий для нас объект, — сказал человек.

И прежде чем я успел помешать ему провести эксперимент на живом человеке без его согласия, он направил игрушку в сторону регулировщика, и тот исчез.

— Вы сошли с ума! — вскричал я. — Хотите, чтобы произошла дорожная катастрофа?

— Нам достаточно нескольких секунд. Вот смотрите, прошло пятнадцать. И я возвращаю регулировщика на место. Видите, он цел и невредим, как прежде. И свисток и шлем — все на месте. А теперь спросите у него, где он был эти пятнадцать секунд.

Я бегом, рискуя попасть под автобус, пересек дорогу, схватил регулировщика за руку и с волнением обратился к нему:

— Извините, вы не могли бы сказать мне, где вы были минуту назад?

— Что?

— Вас не было тут несколько секунд. На каком канале вы находились?

— Послушайте, имейте совесть. Я стою здесь уже четыре часа, потому что забыли прислать мне замену, а вы пристаёте ко мне с каким-то телевизором. Уходите, не то я оштрафую вас! Бесплезно было разговаривать с ним.

— Может быть, — сказал я человеку, возвратившись с ним в лавку, — его отсутствие было слишком кратким, нечто вроде легкого обморока, небольшого провала в памяти? Он ведь ничего не помнит.

— Вот видите! Он даже не заметил, что отсутствовал. А вы беспокоитесь о школьных учителях. Ясно же, что исчезновение, вызванное телеуправлением, — это как бы пауза во времени и пространстве. Нечто такое, что совершенно безболезненно и не оставляет никаких следов.

— Возможно, — пробормотал я, — и все же эксперимент не представляется мне убедительным на все сто процентов.

— Господи, какой же вы зануда! Давайте повторим опыт!

— И регулировщик оштрафует нас или отправит в участок.

— Нам для опыта не нужны ни регулировщики, ни пожарные. Достаточно, что я здесь перед вами. Вы отправляете меня на несколько минут в никуда — только не дольше, потому что уже темнеет, — возвращаете обратно, и я подробно рассказываю вам, где был.

— Пожалуй, это неплохо придумано.

— А потом вы покупаете игрушку без всякого опасения. Согласны?

— Согласен. Давайте ее сюда.

— Держите. И смотрите не ошибитесь — желтая кнопка для исчезновения, зеленая — для возвращения.

— Не ошибусь. Теперь я знаю этот аппарат, как свои карманы.

— Подождите, я подам вам сигнал. Позвольте, сначала я высморкаюсь и причешусь. Не хотелось бы появляться там — наверху или внизу — в неопрятном виде. Ну вот, я готов. Вы тоже! Раз, два, три...

При слове «три» я нажал кнопку, и человек исчез. На его месте осталась пустота.

И в тот момент, когда я смотрел на пустую лавку, в моем мозгу отчетливо возникла мысль, что именно мне надлежит спасти мир от неминуемой опасности, которая ему угрожает: от меня зависят спокойствие и безопасность тысяч, а может, и миллионов мам и пап, бабушек и дедушек, тетюшек и дядюшек, товарищей по играм и учителей, которым могло угрожать внезапное исчезновение, если дети, получив такую игрушку, найдут их скучными или же просто несимпатичными. Только я мог спасти от исчезновения бог весть на каком канале огромное количество преподавателей итальянского языка и математики, на которых ученики могли нацелить свои игрушки за минуту до того, как их вызовут к доске. Только я мог гарантировать стабильность на планете множеству полицейских, отбирающих у ребят мячи и рогатки или штрафующих их за нарушения правил уличного движения. Конечно, при этом я невольно оставлял детей безоружными в этом мире взрослых, которые так плохо понимают их фантазии, их нужды, не умеют помогать им расти и относятся к ним без всякого уважения, как к безмозглым и бесправным щенкам. Но разве можно изменить жизнь по команде, даже если она дистанционная и электронная? И разве таким способом — отправив кого-то в никуда — можно улучшить мир? Тогда нужно было бы голосовать за атомную бомбу...

И я тут же принял решение. Я направил глазок фотоэлемента на коробочки, в которых находились опасные игрушки, и отослал их на невидимые каналы, туда же, куда отправился их создатель.

«Я не знаю, где ты сейчас находишься, — мысленно обратился я к человеку. — Думаю, ты чувствуешь себя неплохо, как и я, когда плыл на пароходе по Волге или летал на звезду Антарес. Но не надейся, что я нажму зеленую кнопку внизу справа, чтобы ты вернулся и продолжал делать эти удивительные и в то же время дьявольские игрушки. Оставайся там, где ты есть, по крайней мере несколько лет. Считаю, что у тебя каникулы после всех трудов на этой земле! Я не убил тебя, а только отправил на другой канал. Чао!»

Я положил игрушку в карман, а потом спрятал в таком месте, где никто никогда не сможет найти ее без моей помощи. На другой день я вышел из дома и снова отправился искать подарки своим детям и внукам. Но я не пошел в сторону лавки того гомункула, дабы не поддаваться угрызням совести, не подвергать испытаниям доброту моего сердца и не вернуть этого маленького Мефистофеля на наш канал.

Перевела с итальянского
И. КОНСТАНТИНОВА.

МОЕ + ОБЩЕСТВЕННОЕ = НАШЕ

ДИАЛЕКТИКА ПРИУСАДЕБНОГО ХОЗЯЙСТВА

Владимир НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора

Выступая на XXVI съезде КПСС, Л. И. Брежнев сказал: «За годы социалистического строительства братские страны накопили многообразный положительный опыт организации производства, управления, решения народнохозяйственных проблем. Мы знаем, например, как умело налажена работа сельскохозяйственных кооперативов и предприятий в Венгрии...»

Эта оценка тут же вспоминается уже при первом знакомстве с сегодняшней Венгрией. Радуют глаз продуктовые магазины и рынки Будапешта, причем цены в них примерно одинаковые (это не по приказу свыше, а как следствие развития сельского хозяйства страны на основе социалистической кооперации). Радуют глаз ухоженные колхозные земли и живописные села, один внешний вид которых убеждает в том, что здесь умеют хорошо работать и жить. Статистика убедительно подтверждает эти впечатления. В последние годы Венгрия уверенно вошла в число самых передовых стран по уровню развития сельского хозяйства. Свидетельств тому немало. Вот только некоторые из них. По производству на душу населения Венгрия занимает по пшенице третье место в мире после Канады и Австралии, по производству кукурузы она уступает только США, свинины — только Дании. Средняя урожайность пшеницы в 1980 году достигла 47 центнеров с гектара (в 1981 году этот показатель несколько снизился, так как лето было засушливым). Недавно парижская газета «Фигаро» в цикле репортажей «Венгерский секрет» сквозь зубы процедила: «Оказывается, социализм способен эффективно хозяйствовать!» Характерное признание.

Уместно вспомнить, что новая Венгрия унаследовала от капиталистическо-помещичьей системы одно из самых отсталых сельских хозяйств Европы. До освобождения 95 процентов венгерских крестьян не располагало даже половиной сельскохозяйственных угодий страны. На селе было более двух миллионов активных работников, а полтора миллиона из них либо вообще не имели земли, либо владели таким крохотным наделом, который позволял им владеть только жалкое существование. Народная власть дала крестьянам землю. Вот уже двадцать лет прошло с тех пор, как в стране завершилось социалистическое кооперирование села. Сейчас в Венгрии насчитывается около полутора тысяч колхозов и свыше ста госхозов. Площадь сельскохозяйственного кооператива в среднем составляет 4200 гектаров, а госхоза — 8 тысяч. Сельское хозяйство является одной из основных отраслей венгерской экономики и дает 16—17 процентов национального дохода. Вместе с пищевой промышленностью оно полностью обеспечивает население страны и занимает одну четвертую часть в ее экспорте.

Одну треть всей сельскохозяйственной продукции дают приусадебные и подсобные хозяйства. Эта «одна треть» и привела меня в Венгрию. Еще в Москве я глубоко задумался над этим соотношением, захотел вникнуть в его суть. Прибыв в Будапешт, я для начала направился в Министерство сельского хозяйства и пищевой промышленности. В расшифровке названия этого учреждения, в перечислении его функций — начало рассказа обо всей этой отрасли экономики вообще и о приусадебном хозяйстве в частности. Итак, в компетенцию министерства входит использование и защита земли, сельскохозяйственное производство и пищевая промышленность, а также переработка продукции; рыбное, охотничье и лесное хозяйство, деревообрабатывающая промышленность, государственные предприятия всех этих отраслей, ветеринарная служба, защита растений, научные исследования.

Дьюла Боруж, заместитель заведующего отделом, который занимается приусадебными и подсобными хозяйствами, ввел меня в курс дела. Он извинился, что нет на месте заведующего отделом, но причина уважительная: командировка в Москву. Во-первых, Дьюла Боруж обратил мое внимание на то, что венгерское приусадебное хозяйство сегодня — это новое по своему характеру мелкое сельскохозяйственное производство. Оно сложилось вместе с развитием социалистических сельских кооперативов в качестве их продукта, дополнения к ним. Без хорошо поставленного современного крупного кооперированного сельского хозяйства приусадебные участки венгерского типа просто немыслимы, невозможны. Недаром в законе о сельскохозяйственных производственных кооперативах, принятом Государственным собранием, декларируется единство коллективных и приусадебных хозяйств. В этом принципе — начало начал всего этого дела.

Конкретно этот принцип осуществляется следующим образом. Упомянутый выше закон предоставляет право членам сельских кооперативных хозяйств на приусадебные участки. Кооператив обязан выделить им землю, корма, удобрения и прочее на ведение приусадебного хозяйства, оказывать многостороннюю помощь, в том числе и — самое главное! — в реализации продукции. Предоставляемая пахотная земля не должна превышать для одного участка 0,6 га, а по виноградникам и фруктовым садам — 0,3 га. Объем и направление работ в приусадебном хозяйстве определяют сами члены кооператива. Новый, можно сказать, государственный подход к этой проблеме дал такие результаты: в какой-то мере и в какой-то форме мелким сельскохозяйственным производством в Венгрии сегодня занимаются полтора миллиона семей, то есть более 4,7 миллиона человек. Растет и количество личных хозяйств, не имеющих земли, где занимаются птицеводством, кролиководством, свиноводством, разводят голубей и т. п. Следует отметить, что немалая доля продукции с приусадебных хозяйств идет на экспорт.

Разумеется, что, давая одну треть сельскохозяйственной продукции страны, приусадебные и подсобные хозяйства играют важную роль и в поднятии жизненного уровня села. Значит, есть и личная материальная заинтересованность. Но каждый владелец подсобного хозяйства отдает себе отчет в том, что без опекающего его колхоза ему никак не обой-

тись. Он спокоен за корма, сбыт и другую необходимую помощь. И главное — тот же самый колхозный строй обеспечил в Венгрии сельским труженикам такой же среднемесячный заработок (это без учета дохода с приусадебных хозяйств!), как и промышленным рабочим.

Очень важна и другая сторона развития приусадебных хозяйств: их роль в обеспечении занятости населения. Большая часть труда в этих хозяйствах ложится на плечи пенсионеров, женщин — домашних хозяек, иждивенцев, непосредственно не связанных с работой в кооперативе. И работают они с охотой, радостью и главное — с любовью. В этом я не раз убеждался, когда ездил по венгерским колхозам. Такое вовлечение в общий трудовой процесс всех, кто имеет на то желание, — одна, на мой взгляд, из самых благотворных особенностей этого начинания.

В беседе со мной Дьюла Боруж (а затем и мои другие собеседники в венгерских селах) особенно подчеркнул исключительную чуткость приусадебного хозяйства на внешние влияния, полезные и вредные. Например, в начале 70-х годов проблемы с обеспечением кормами, колебания в реализации продукции, неправильная оценка доходов, перегибы в налоговом обложении приостановили развитие приусадебных хозяйств. Когда ошибки были устранены, дело опять пошло в гору. Но, обратите внимание, сказал при этом Дьюла Боруж, что напорить в этом непростом вопросе можно быстро, а вот вновь все наладить значительно труднее, поскольку, раз утратив уверенность, владелец приусадебного хозяйства может не сразу снова взяться за то же дело.

При том, как это дело поставлено в Венгрии, колхозное производство интегрирует мелкое приусадебное хозяйство и берет на себя не только заботу о нем, но и развернутую организующую деятельность в отношении мелких производителей. Причем кооператив рассматривает приусадебные хозяйства в качестве своей самостоятельной отрасли производства. Отсюда происходит постоянная модернизация мелких хозяйств, повышается их эффективность. Есть в колхозах специальные должностные лица, которые занимаются только ведением дел в личных хозяйствах, не говоря уже о том, что колхозные специалисты (инженеры, ветеринары, агрономы и т. п.) всегда окажут квалифицированную помощь (на определенных договорных началах, которые в каждом конкретном месте и случае различны и не регламентируются никем, кроме самого колхоза). При таком подходе мелкие хозяйства идут вперед, развиваются, специализируются, приносят все больше пользы и своим владельцам, и колхозу, и государству. В этом плане продолжается преобразование производственной структуры мелких хозяйств, идет процесс их специализации: сокращается поголовье крупного рогатого скота и доля зерновых, но растет производство овощей, фруктов, ягод, мелких домашних животных...

Большую роль играет малая механизация.

У Терезы Ласло 3200 кур. * Электромеханик Габор Винце разводит свиней. * Бела Киш в своем хозяйстве. * Село Уйкидьош. * Председатель колхоза Янош Рук (справа) и пастих Ласло Судак.

Вот, например, венгерский мини-трактор «Роби». Прост в управлении, надежен и применим почти универсально. Зажигание, ручка газа, педаль тормоза — вот и все рычаги управления. Рабочая скорость 15 километров в час (это с двумя центнерами груза в кузове). Двигатель — три лошадиные силы. К трактору, помимо кузова, есть плуг, культиватор, косилка. Весит «Роби» чуть больше 50 килограммов и влезает в багажник «Жигулей», которых, кстати, в венгерском селе очень много. Расход горючего — литр за час работы. За этот час «Роби» обрабатывает до 12 соток земли.

А вот переносной доильный аппарат. С ним можешь управиться в подсобном хозяйстве и с несколькими коровами. Есть моторные культиваторы, моторные опрыскиватели и многое другое. Применение малой механизации ведет к росту и усовершенствованию подсобного хозяйства. Такой пример. Хозяйство, в котором есть 1—2 коровы, 3—4 свиньи, сад на 1000—1500 квадратных метров, исключает возможность применения собственной техники, ибо это приводит к удорожанию производства. Значит, с применением техники хозяйство должно быть больше.

Здесь мы уже вплотную подошли к масштабам приусадебного хозяйства.

Итак, я в колхозе имени 15 марта (село Хернад). С хозяйством меня знакомит старший ветеринар Иштван Фодор (любопытная деталь: он является депутатом Национального собрания страны, но не входит в члены правления своего колхоза. Почему? Просто туда избраны другие члены кооператива, а он нет). Всего насчитывается четыре тысячи колхозников, девяносто процентов из них ведут приусадебные хозяйства. Вместе с Иштваном Фодором я захожу на усадьбу, где всем управляет Тереза Ласло, жена колхозного механизатора. Она официально числится домашней хозяйкой, у нее двое детей-подростков. Застали мы ее в птичнике, в котором она одна выращивает три тысячи двести кур. Это, можно сказать, без отрыва от ведения домашнего хозяйства и воспитания детей. Она получает от колхоза 3200 однодневных цыплят и выращивает их в течение семи недель до веса 1,5—1,6 килограмма. Затем сдает их колхозу, который снабжает ее хозяйство кормом (десятики центнеров), помогает, если надо (консультация, ветеринар и т. п.). При сдаче продукции происходит расчет, при котором учитывается стоимость корма, оказанных услуг, налог и т. п. Внакладе Тереза не остается и тут же берет очередную партию — снова 3200 цыплят. Простой подсчет показывает, что одна эта женщина за год сдает более тридцати тонн мяса! Но «секрет» весь в том, что она не одна, с ней колхоз. Без него это было бы невозможно.

Неподалеку от нее живет Мария Балаш, тоже домашняя хозяйка. Ее муж и дочь работают в колхозе. На тех же принципах, что и Тереза Ласло, она выращивает пятьдесят свиней. О том, как она ведет хозяйство, говорит ее замечание, с которым она сконфуженно обратилась к нам, когда мы вошли в свинарник: «Вы уж извините, что они сейчас такие грязные, сегодня жарко было, в грязи извалялись».

С приусадебными хозяйствами в колхозе «Золотой колос» меня знакомил его председатель Имре Пушкаш. У кооператива шесть тысяч гектаров. Главные направления в хозяйстве — растениеводство и крупный рогатый скот, который есть и в здешних личных хозяйствах. Как рассказал мне Пушкаш, он и правление не получают сверху указаний, сколько и чего производить, о работе коллектива судят по конечному результату — финансовым итогам.

В приусадебных хозяйствах, кроме крупного рогатого скота, есть свиньи, птица, кролики, ранние овощи, некоторые занимаются семеноводством. Пушкаш подчеркивает, что в итоге большого труда мелких производителей перед заготовителем стоит колхоз, а не они сами. Как и в других местах, здесь очень гибкая система интеграции крупного и мел-

кого хозяйств. Бывает так, что у колхозника свои коровы, и он сдает готовую продукцию в обмен на корм. Бывает и так, что колхоз дает желающим породистый молодняк на вырост, и этот скот считается собственностью колхоза. Пушкаш обращает внимание на мобильность личного хозяйства, его способность быстро менять профиль. И еще заходит у нас с ним интересный разговор о владельцах приусадебных хозяйств и рынке. Оказывается, они туда свою продукцию почти не возят. Зачем время даром терять, когда колхоз дает за нее такие же деньги? Если и везут что на рынок, так это овощи, особенно ранние. Но если есть охота, можешь везти и другие плоды труда своего на рынок.

На примере этого и других хозяйств видны плодотворные результаты последовательной и гибкой аграрной политики, проводимой Венгерской социалистической рабочей партией. Получив большую самостоятельность в хозяйственных вопросах, колхозы и госхозы стали инициативными и высокодоходными социалистическими предприятиями. Это факт. Но иные могут все же спросить: а не слишком ли много дано власти на местах, то есть на селе? Не получится ли так, что кое-кто будет больше считаться с собственной выгодой, нежели с интересами государства? В ответ Имре Пушкаш приводит такую историю.

Случилось в колхозе, что производство картофеля перестало быть рентабельным. Казалось, можно бы заменить его культурой более выгодной для хозяйства. Но ведь картофель — второй хлеб. Без него никак нельзя! И потому сообща решили обратиться еще больше внимания на производство картофеля, пусть в то время и нерентабельное для колхоза. И как только приложили к делу больше сил, эта культура снова стала приносить доход.

В этом колхозе, как и в большинстве других венгерских сельских кооперативов, развита и такая деятельность, которую я назвал бы своеобразным подсобным хозяйством, но уже не отдельных колхозников, а всего коллектива в целом. Эта деятельность решает ту же задачу — занять общественно полезным трудом все имеющиеся на селе силы. В «Золотом колосе» есть деревообрабатывающее предприятие, поскольку у хозяйства есть лес, который, разумеется, здесь эксплуатируют разумно, постоянно подсказывают. Кстати, лесопосадки сразу бросаются в глаза, когда едешь по прекрасным дорогам страны. Замечание о лесе тем более важно, что его здесь сравнительно немного. За последние 35 лет площадь леса в Венгрии возросла с 1,1 миллиона гектаров до 1,6 миллиона, доля занятой под лесом территории равна теперь 17 процентам (среднеевропейский показатель — 31,8 процента), а в 1985 году она увеличится до 22 процентов. В этих цифрах — забота государства и народа о своей земле, которую в Венгрии ощущаешь на каждом шагу.

Чтобы завершить наш краткий экскурс в сферу колхозных предприятий, надо упомянуть, что их профиль самый разнообразный, не только такой, какой связан с сельским производством. Делают, например, и пуговицы и запасные части, печатают этикетки и т. п. А вот в селе Уйкидьош у колхоза, помимо 7500 гектаров земли, есть мебельная фабрика, продукцию которой экспортируют в ФРГ. На ее отличное качество я сразу обратил внимание, когда вошел в кабинет председателя Яноша Рука. Колхоз, как и тот, о котором упоминалось выше, тоже называется «Золотой колос». Янош Рук сказал мне, что в стране много хозяйств с таким названием. Символическое совпадение! Венгерский колос стал поистине золотым.

Вместе с председателем со мной беседует Имре Кручан, отвечающий в колхозе за приусадебные хозяйства. Они рассказали о своих делах, а потом мы осмотрели колхозные фермы, пастбища и некоторые приусадебные хозяйства. И я еще и еще раз убедился, что только крепкое современное сельское производство способно развить в качестве собственного дополнения такие личные хозяйства, какие процветают сегодня в Венгрии. Меня просто поразила своим масштабом, организованностью, механизацией и чистой

свиноводческая ферма. Это целый городок из белоснежных строений! А как радостно и, я бы сказал, весело выглядит на пастбище огромное колхозное стадо! Какой упитанный и красивый скот! И, конечно же, могучая техника. Недаром у здания правления навечно поставлен на постамент первый колхозный трактор, с которого и началась новая жизнь.

А вот приусадебные хозяйства. У Михая Хорвата 50 свиней и 110 гусей, у Бела Киша 70 свиней и 900 кур. Это колхозники. А вот Габор Винце, электромеханик, работает в близлежащем городе, но живет в этом селе. У него свое мелкое хозяйство, и оно — тоже частица в общем крупном колхозном производстве. Потому-то и насчитывается у Винце 80 свиней. И вот что примечательно: труд этот творческий, он развивает в человеке его задатки. Габор Винце, по профессии своей связанный с техникой, так увлекся свиноводством, что теперь не просто выращивает свиней, но всерьез работает над улучшением породы. И это без помощи со стороны колхоза тоже было бы невозможно.

С большим сердечным теплом Янош Рук говорил мне о труде пенсионеров. Для них работа в подсобном хозяйстве — радость, связь с той жизнью, от которой пенсионер обычно никак не хочет отрываться. Председатель рассказал о недавнем собрании таких колхозных ветеранов. Общая мысль всех выступавших на нем: да, сделано многое, хозяйство на подъеме, но с такой техникой и такими правами на самостоятельность можно сделать еще больше.

Как и многие другие сельские руководители, Янош Рук рассказал мне о тесных связях с нашей страной. Тут и встречи специалистов обеих стран на полях Венгрии и Советского Союза, и использование нашей техники, и взаимные поставки, и т. п. Этот колхоз, например, поставляет нам своих племенных бычков.

Советский Союз — основной венгерский партнер (как по импорту, так и по экспорту), надежный рынок для венгерских товаров. Важное и все более значительное место в товарообороте между нашими странами занимает обмен сельскохозяйственными и пищевыми продуктами, а также интенсивно развивающиеся в последнее время кооперационные связи. Наша страна поставляет в Венгрию сельскохозяйственные машины и оборудование, грузовые и легковые автомобили... Из Венгрии к нам идет оборудование для пищевой промышленности, фрукты, овощи, мясные продукты, вина... Эти экономические связи во многом обеспечивают надежность и стабильность сельскохозяйственного производства Венгрии. А это очень важный фактор. Ведь, скажем, в 1980 году более 70 процентов прироста общего экспорта венгерских товаров произошло за счет экспорта продуктов сельского хозяйства и пищевой промышленности. Почти тысяча видов продуктов сельского хозяйства экспортируется из Венгрии в сто стран мира. Так, хорошо налаженное ведение крупных сельских и мелких приусадебных хозяйств оборачивается не только дополнительными доходами для колхозников и колхозов, но и твердой валютой для государства.

В постановлении Совета Министров Венгрии, принятом в 1976 году, говорится:

«Для приусадебных и подсобных хозяйств на продолжительное время необходимо обеспечить уверенность производства и реализации. Крупные сельскохозяйственные предприятия и закупочные организации должны развешивать — на базе взаимной заинтересованности — более тесное сотрудничество (в отношении племенного скота, семян, кормов, прочих материалов, профессиональной консультации и т. п.), необходим общий подход к приусадебным и подсобным хозяйствам...»

И далее следует конкретная разработка этой программы. И вот результат: в селе Уйкидьош, о котором я уже рассказывал, в 1975 году доход от приусадебных хозяйств составлял 25 миллионов форинтов, а в 1980-м — около 140 миллионов форинтов.

Самое главное во всем этом деле то, что понятия «мое» и «общественное» сливаются в одно прекрасное определение «наше».

Будущие хозяева страны. * Колхозное стадо.

МОСКВА, ДЕКАБРЬ 1941

Зигмунд ХИРЕН

15 декабря

События развивались так, что чаще всего надежнее было самому доставить в редакцию очередную корреспонденцию о продолжающемся наступлении под Москвой. Как-то боязно было, что текст, переданный по бодо, может где-то задержаться, не попасть своевременно в редакцию. И я мчался из района боев в Москву, на улицу «Правды», 24, куда переехала наша редакция. Не скажешь, что в пути все было гладко, десятки объездов, крюков — все без исключения вследствие наступления наших войск. Много трофейных машин, орудий, танков, много убитых солдат и офицеров врага, много мертвых лошадей — словом, в «пробках» недостатка не было. Происхождение каждой «пробки» могло служить темой для очерка, репортажа, корреспонденции. Это были поля Великого сражения за Москву.

Продиктовав в редакции машинистке очередной репортаж, тут же отправлялся обратно, боясь прозевать новое значительное событие на фронте. А событий было немало.

Предстояло вступить в Клин. Ясно, что теперь среди воинов участились разговоры о Петре Ильиче Чайковском. Впрочем, генералу Лелюшенко, чья армия окружила Клин, было не до музыки... Клин был окружен, а гитлеровцы не думали складывать оружие, они принимали меры для спасения гарнизона через оставшиеся небольшие проходы. Надо было так замкнуть кольцо, чтоб ни одной лазейки не осталось. Бригадный комиссар Абрамов, с которым были мы знакомы по другим боям, обратился ко мне за советом: не подскажу ли, как повлиять на вражеский гарнизон, как объяснить гитлеровцам, что их дальнейшее сопротивление бесполезно? Сидели мы в крошечной комнатке неподалеку от Клина. Уже давно наступила ночь. Спросил у Абрамова, нет ли данных о жизни осажденного гарнизона. Вызвали начразведотдела. Тот тут же предложил интересный радиоперехват, переведенный нашими девушками. Речь в нем шла о панической перебранке между высокими чинами гитлеровцев. Ссорились из-за каждой канистры бензина для драпающих из Клина, из-за провианта, обмундирования. Без труда удалось установить не только фамилии, но и должности. А что если в виде листовки закинуть в Клин все эти радиоперехваты с соответствующими нашими комментариями? Идея всем понравилась. Но где раздобыть типографию, чтоб отпечатать листовку на немецком языке в достаточном количестве экземпляров? Абрамов спросил у меня, не соглашусь ли поехать в Москву (Главное политическое управление Красной Армии) и там

все уладить с таким расчетом, чтоб к утру уже быть вновь в армии. Мысль правильная, но осуществить это невозможно. Начать с того, что прямой дороги из Клина в Москву не было, линия фронта проходила так, что в Москву можно попасть только через Загорск... К тому же ночь. Дороги в Москву были минированы сперва врагом, затем нашими — в порядке профилактики, чтоб не вздумалось какому-нибудь фашистскому танку прорваться в Москву.

И все-таки с написанной вчерне и утвержденной Военным советом 30-й армии листовкой отправился я в Москву. Описать эту ночную дорогу невозможно, это бы начисто отвлекло от событий, волнующих меня в данный момент. Скажу лишь, что до наступления утра добрался в Москву и, разумеется, первым делом устремился к редактору. Однако тот, услышав, что привело меня в столь поздний час, тут же переадресовал на станцию метро «Кировская», где в то время находилась Ставка, в том числе и руководство ПУРА. И вот я в метро «Кировская». Признаться, за всю войну ни разу не доводилось опускаться по эскалатору. К слову, не работал он, и по ступенькам пришлось шагать. А там, как только обо мне доложили, последовал ответ: представить текст листовки. Я передал два листочка адъютанту, некогда работавшему у нас в «Красной звезде» постоянным корреспондентом по Белорусскому особому военному округу. Пока начальство знакомилось с бумагой, старый друг соорудил мне громадную глазунью, заварил чаю... Словом, я буквально ожил. Так по крайней мере он уверял. Я же волновался, торопил приятеля. Но вот и ответ поступил. Я могу следовать обратно в армию с гарантией, что к моему приезду листовка не только будет отпечатана соответствующим тиражом, но и сброшена в осажденный гитлеровский гарнизон.

Все так и вышло. В два часа ночи следующего числа наши войска вступили в Клин, а утром у первого же сдавшегося в плен гитлеровского офицера была обнаружена моя листовка. Я еще никогда в жизни так не радовался ни одному своему фронтовому очерку, как этим строчкам.

16 декабря в «Красной звезде» появилась большая моя корреспонденция под названием «Как был отбит город Клин». Разумеется, в ней ни слова не было о том, о чем записал я в своем дневнике. Подробнейшим образом рассказывалось о боях, о героях боев.

20 декабря

Ночь перед вступлением в Волоколамск прошла в открытом поле, обдуваемом со всех сторон ледяным ветром. На громадном пространстве сохранилась одна-единственная избушка, сохранилась не иначе как чудом, ибо от некогда большого села даже труб дымоходных не осталось — до такой степени ожесточились фашисты, почуяв, что часы их на под-

ступах к Москве сочтены. Не хватило ни скирд соломы, ни бочек с керосином, ни пакли. Поджигатели, как безумные, носились от избы к избе, совершенно не интересуясь, есть ли там кто живой, нет ли. Немало крестьянских семей заживо сгорели. Некоторых, кому спастись удалось, видел, разговаривал с ними.

В единственной уцелевшей избушке расположился командующий 16-й армией генерал Константин Константинович Рокоссовский. Так случилось, что, находясь с первых дней войны на Западном нашем фронте, зная, что там воюет Рокоссовский, я с ним ни разу не встретился, а расстались мы еще в тридцатых годах на Дальнем Востоке, в одном из глубинных гарнизонов, расположенном на полпути между Хабаровском и Владивостоком. Был Рокоссовский тогда молод, задорен. Короткая синяя венгерка, отороченная белым каракулем, именной серебряный клинок, тонкие шпоры, которые называли тогда «малиновым звоном». Рокоссовский — большой, стройный, дружинистый — стоял посреди манежа, наблюдая, как солдаты берут барьеры. Через одни из них кони словно проплывали легко, грациозно, возле других стояли как вкопанные в нерешительности. Впрочем, все зависело от молодых всадников. Ими-то и интересовался сравнительно молодой тогда комбриг, но уже с боевыми орденами гражданской войны. К слову сказать, один из соратников будущего вождя монгольского народа Сухэ-Батора, Рокоссовский на манеже в отличие от других бывалых конников не укорял неудачливых всадников, не оскорблял крылатым эпитетом: «Сидишь на коне, как собака на заборе». Заметив, что кому-то из ребят особенно тяжело взять препятствие, подходил к нему, помогал прыгнуть на землю и вот сам уже в седле. Схватив поводья, стремительно брал одно за другим неприступные для молодого, неопытного препятствия, затем, вернув коня солдату, объяснял, как действовать...

И вот вновь передо мной Рокоссовский. Длинное кожаное пальто, потемневшие бурки на ногах, серая смушковая ушанка... На животе висит большой планшет. Стоит ли, думаю, напоминать о том далеком дальневосточном времени? Но Рокоссовский уже встает из-за сколоченного наспех столика, на котором горит восьмилитровая, не более, керосиновая лампа. Не так много у меня вопросов, всего один-единственный: будем ли утром в Волоколамске? Рокоссовский глядит на меня с едва уловимой улыбкой.

— Вы служили в ОКДВА? — задает первым вопрос он, а не я.

ОКДВА — так называли все мы тогда свою любимую, воспетую во многих хороших песнях Особую Краснознаменную Дальневосточную армию. С ней связаны и «штурмовые ночи Спасска», и «волочаевские дни», а позднее и бои на КВЖД, и песня, родившаяся во

времена тех боев, — «Дальневосточная, даешь отпор».

Конечно же, я рад, что командарм выручил, облегчил задачу.

— Да, — отвечаю. А главного вопроса не задаю: Волоколамск! И опять Рокоссовский приходит на выручку.

— Далеко не уходите, — произносит он тихо, — держитесь поближе.

Ни одно самое обстоятельнейшее интервью не могло дать такого точного, исчерпывающего ответа. Значит, будем, будем в Волоколамске! Значит, конец так называемому Волоколамскому направлению, которое столь будоражило, волновало, оскорбляло умы и сердца миллионов советских людей.

Хочу ответить, поблагодарить, но командарм уже склонился над картой. Стараюсь тихо удалиться. Снаружи все так же лютует свирепый ветер. Маячат силуэты гитлеровцев, шагающих под конвоем наших разведчиков. Это все «языки» из самого Волоколамска. Оказывается, Рокоссовский просил доставить парочку прямо к нему в избу — есть у него желание лично с ними побеседовать.

Признаться, неплохо бы и мне поприсутствовать, да нет, ни к чему мешать командующему. Ведь о главном он уже мне сообщил: будем в Волоколамске!

...На сей раз еду на чужой «эмке», моя еще вчера возле Снегирей разбилась. Писатель Евгений Петров, редактор «Огонька», а в данный момент еще и корреспондент «Известий», пригласил. Едем, как тогда было принято говорить, «брать Волоколамск». Едем незадолго до наступления рассвета...

Постепенно глаз привыкает к этому потоку внезапно остановившихся немецких грузовиков, танков, мотоциклов, легковых машин, повозок. Все застыло на дороге в том виде, в каком бежало под ударами наших войск. И когда местами, на протяжении каких-нибудь 500—600 метров не падают на пути разбитые немецкие машины или свалившиеся в кювет немецкие танки, воспринимаешь это как нечто необыкновенное. Так выглядит сегодня дорога на Волоколамск, из которого наши войска только что выбили фашистов.

Кто проезжал по этой дороге, тот надолго запомнит всю эту картину. Всюду ощущаешь одно — поспешность отступления гитлеровцев. Они собирались принять какие-то меры, где-то задержаться, но их настигли, и они не успевали осуществить задуманное. Вот тяжелые орудия. Фашисты собирались подвергнуть Москву обстрелу из этих громадин. Аккуратно сложены штабелями снаряды. Все было приготовлено к тому, чтобы открыть огонь. Огня открыть не пришлось. Мало того — удирая, враги бросили батареи тяжелых орудий. Мы видели прислугу этих пушек. Ее ночью выволокли из нор, куда она попряталась. Фашистские артиллеристы появились перед нами, как призраки.

Опять дорога на Волоколамск.

Заснеженная, лесистая, местами крутая. И повсюду таблички с немецкими надписями. Указатели дорог, лазаретов, но больше всего дощечек на крестах. Везде кресты, большие и малые. В одном месте всего лишь пять-шесть, в другом — сотни.

Труден был путь на Волоколамск для наших войск. Не было ни дня, ни ночи, когда бы наши бойцы имели хоть несколько часов отдыха. Иногда усталость доходила до того, что бойцы засыпали на шагу.

Гитлеровцам стало ясно, что больше оставаться здесь нельзя. Они готовились бежать. Убегая, создавали целые минные галереи, повсюду раскидали саморазрывающиеся фугасы. А снег все падал и падал, и трудно было потом разыскать, где мины, где фугасы. Бойцы и командиры, герои боев за Волоколамск, шли под непрерывной угрозой смерти. На их глазах впереди, справа и слева неожиданно взлетали в воздух люди, лошади, повозки, машины.

но не все, что хотели. Им этого не дали сделать.

Небо над городом затянуто одной огромной серой тучей. Снег еще черен от вчерашних и сегодняшних разрывов мин и снарядов. Всюду валяются трупы людей, лошадей. Все говорит об убийствах и грабежах фашистов. Когда подходишь к площади, не веришь, что сегодня 20 декабря 1941 года. Не веришь тому, что перед твоими глазами. На площади — виселица. Фашисты повесили восемь советских граждан. Два месяца висели в городе замороженные трупы. Сейчас на виселице болтаются лишь веревки.

Кроме Евгения Петровича Петрова, еще несколько военных корреспондентов столичных газет, среди них Евгений Кригер, Павел Трошкин. Крупные слезы текут по лицу Петрова. Он их не вытирает. Из дома выходит женщина, на чьих глазах произошло это зверство. Она все видела из-за занавески своего окна. Петров не слушает женщину. Он как бы окаме-

семье принесли они много несчастья, горя, слез. Никто не простит им!

...Снова дорога. Перед нашими глазами возникают результаты недавних боев с фашистскими оккупантами. Опять тысячи немецких машин, танков, орудий, снарядов, брошенных на нашей земле. Могилы солдат и офицеров, трупы фашистов. Настал час расплаты.

Волоколамск стал для врагов кладбищем живой силы и техники. Это за все горе, которое принесли в течение этих двух месяцев жителям советского города. Но до конца гады еще не расплатились. Им еще долго придется расплачиваться.

Мы видели на машинах, оставленных фашистами, подковы, прикрепленные к радиаторам. Враги надеялись найти в Волоколамске счастье. Многие из них нашли здесь смерть.

31 декабря

Никто из наших не может пожаловаться, что Новый год нас

В освобожденной деревне. Подмосковье.

Фото М. Савина

Но никогда не останавливала смертельная опасность. Чем труднее становилось идти, тем сильнее разгоралась ненависть к врагу.

На пути мы встречаем десятки деревень, сожженных фашистами. У пепелищ согнулись женщины, старики и дети, они что-то ищут. Повсюду валяются черепки и скрюченные железные кровати.

Сколько слез пролито над этими пепелищами! Сколько людей заживо похоронено! Лежат обуглившиеся трупы. Людям трудно узнать даже самых своих близких.

Вот он, Волоколамск,— некогда тихий подмосковный городок, а сейчас город пылающих пожаров. Здесь рвались снаряды и стены изрешечены пулями. Крыши провалились, зияют дыры окон. На протяжении двух месяцев этот город привлекал к себе внимание всего мира. Кто из нас не прислушивался к тому, что происходит на Волоколамском направлении! Со вчерашнего дня такого направления на нашем фронте больше нет. Снова есть советский город Волоколамск, разрушенный, окровавленный, ограбленный гитлеровцами, но наш, советский город.

Всю прошлую ночь бандиты жгли здесь дома, пожары пылали и на рассвете. И гитлеровцы бежали отсюда, их преследовали по пятам. Они не успевали подносить спички к стенам, облитым керосином. Они сожгли многое,

нел, не шелохнется, а слезы текут и текут.

Позднее узнаю и фамилии повешенных, встречу с их родными, побуду дома у них. Но сейчас, признаться, сейчас и я не в силах ничего записать в свою записную книжку, даже немецкие слова, выведенные рукой фашистского бандита на табличке, прибитой к виселице. Нет, ничего не способен я ни слышать, ни записывать.

Восемь героев, которых гитлеровцы публично повесили, лежат на земле. Бойцы, первыми ворвавшиеся в Волоколамск, сняли повешенных. Среди жертв фашистских грабителей — две девушки. Те, что были свидетелями этого кошмарного убийства, рассказывают о девушке в коричневом пальто. Она лежит сейчас на снегу, раскинув широко руки, с открытыми глазами, поднятыми к небу. Когда ее вели на казнь, она крикнула: «Я умираю за Родину!»

Восемь неизвестных героев отдали жизнь за Родину, и Красная Армия грозно спрашивает сейчас с палачей.

...Пятиэтажный дом по Пролетарской улице № 3/6. Сюда фашисты согнали раненых красноармейцев, захваченных в плен. Перед бегством из Волоколамска изверги сожгли этот дом с ранеными бойцами. Каждого, кто пытался выбежать из этого ада, расстреливали.

Так действовали в Волоколамске враги. Они грабили, убивали, насильствовали. Каждому дому, каждой

недостаточно щедро встречает. Начнем с того, что впервые за всю вторую мировую войну в карманном календарике, выдаваемом каждому без исключения гитлеровскому солдату, обнаружена существеннейшая опечатка. Маленькая синенькая книжечка открывается перечнем под названием «Немецкие памятные дни». Идет перечисление государств, капитулировавших перед фашистской армией, указывается день, месяц, год. Слово «капитулацион» в каждой строке. Строки расположены в таком порядке, что даже и малограмотный немецкий солдат может без труда установить, что между падением одного государства и другого, как правило, проходило не более четырех-пяти дней. И вот, повторяю, вкралась опечатка. Судя по всему, календарик печатался в заштатной, провинциальной типографии, печатался задолго до Нового года. Бумага серая, газетная. Синенькая обложка с выпуклыми цифрами «1942» тоже не ахти какой красоты. Зато в список «немецких памятных дней» попала строчка, которая должна была действовать на каждого владельца календарика, как бальзам на сердце: «2 декабря — взятие Москвы». Допускаю, что солдат, у которого был изъят календарь вместе с орденом железного креста на засаленной грязной ленточке, солдат этот, предпочитавший вместо форменной фуражки с изображением «мертвой головы» на кокарде

другой головной убор, а именно — грязное трофейное вафельное полотенце плюс трофейные же, явно бывшие в употреблении флаanelевые портянки, мог и не заглянуть в полученную у каптенармуса вместе с другими предметами солдатского обихода эту вот канцелярскую принадлежность. Скорее всего, солдат этот также не знал, что германское информбюро сообщило в начале декабря, что «германское командование будет рассматривать Москву как свою основную цель даже в том случае, если Сталин попытается перенести центр тяжести военных операций в другое место. Германские круги заявляют, что германское наступление на столицу большевиков продвинулось так далеко, что уже можно рассмотреть внутреннюю часть города Москвы через хороший бинокль». Кроме этого календаря, были отпечатаны пропуска — на немецком, разумеется, языке — на право беспрепятственного хождения по Москве. Последние были явно берлинского, а может, и лейпцигского производства, с золотым обрезом на плотном блестящем ватмане. Этому солдату, как и доброй сотне его однополчан, бинокль не понадобился. Он уже в Москве! Да, да, его взору открылись кварталы высоких каменных домов нашей столицы. На перекрестках широких улиц стояли регулировщицы, и хоть на плече у каждой висела винтовка, но основным оружием были у них разноцветные флажки, которые доставались ими по надобности из халая теплых валенок. Пленного этого вместе с еще несколькими его земляками перевозили в кузове грузовика с одного предместья Москвы в другое. Красноармейцы, сопровождавшие их, тоже никогда прежде не бывали в Москве, прибыли из Сибири и с не меньшим любопытством разглядывали столичные улицы.

И тем и другим предстояло встречать Новый год в Москве. Впервые в Москве!

Каким же был он, наш тот Новый год? В битве под Москвой гитлеровцы потеряли в общей сложности около полумиллиона человек, 1300 танков, 2500 орудий, более 15 тысяч автомашин и много другой техники. Фашистские войска были отброшены на запад на 150—300 километров.

А в кузов упомянутого здесь грузовика успел я заглянуть на перекрестке возле контрольно-пропускного пункта, где знакомая девчушка-регулировщица, вооруженная теми самыми флажками, нарушив обычай — пропускать знакомую корреспондентскую «эмку» без проверки, — нас задержала, и довольно решительно. В общем-то правильно поступила: ведь осталось-то всего несколько минут до встречи Нового года. Пожелала поздравить. Дело старое, что скрывать: в нарушение всех уставов не только крепко расцеловались на лютном этом морозе, но и по очереди, за неимением стаканов, выпили нашей «Московской особой» из алюминиевой баклажки, обшитой толстым шинельным сукном.

— С Новым годом! С новым счастьем!

За исключением кучки пленных в кузове старенького грузовика, армия Гитлера двигалась в те минуты на запад.

Встреча же этого нового, 1942 года состоялась на последнем перекрестке Волоколамского шоссе, перед самым въездом в Москву.

Народный артист СССР, лауреат Государственных премий Александр Михайлович Згуриди — известный режиссер, автор многих чудесных фильмов о животных. Прочитав его книги, в которых он, как и многие другие биологи и художники, размышляет о проблемах охраны окружающей среды, я загорелась мечтой увидеть этого человека. Однако это было не просто: Александр Михайлович снимает новый фильм, заставить его очень трудно. И вот, наконец, долгожданное: «Днем я занят, а вот вечером, после шести, заходите».

Маленький пес, выполнив священный долг ритуального облаивания, миролюбиво размахивает хвостом; зеленый попугай усаживается мне на плечо, и сразу мое волнение пропадает.

Пока Александр Михайлович читает мои вопросы, вожусь с диктофоном: включая, выжидательно шуршит пленка...

— Вы спрашиваете о жестокости по отношению к животным, — начал режиссер. — Жестокость была всегда. Я помню такую сце-

ем, потому что только безумие порождает войну. Я решил сделать фильм по этому рассказу. И вот впервые в жизни в Индии я встретился со слонами как с артистами. Работать с ними оказалось невероятно трудно. Дело в том, что если поведение кошки еще можно понять — сердится она или радуется, то у слонов ничего этого нет, они никак не выражают свои чувства внешне. Стоят перед тобой эдакие махины, и никак их не заставишь делать то, что тебе нужно для фильма.

Главную роль у нас в фильме играл маленький индийский мальчик, сын погонщика слонов. Я нашел его, грязного и оборванного, в глухой деревушке. Он-то и оказался нашим главным помощником. В Индии существует «язык слонов»: стоит сказать что-нибудь слону на этом языке, и он моментально выполнит приказание. Наш мальчик прекрасно знал этот язык. Однако на съемках нас подстерегали неожиданности: когда мы бродили по джунглям, на нас напал бешеный слон, один из тех, о которых мы делали наш фильм. С трудом нам удалось удрать от этого бешеного слона,

в Африке. Там животные вас совсем не боятся, инстинкт самосохранения у них притуплен, и если вы решитесь выйти из машины, то эти звери сейчас же станут на вас охотиться...

— А почему вы против дрессуры?

— Лучше найти ключ к животному самому. Когда я снимал фильм «Белый клык», на главную роль я взял гибрид собаки и волка. Получил я этого артиста в школе служебного собаководства. Невероятно злой был пес, свирепый, очень похож на волка. В фильме есть сцена: Красавчик Смит крадется, чтобы отомстить Уигену Скотту. Белый клык должен следить за ним, а потом броситься на врага. Мы долго ломали голову: как заставить нашего пса следить, красться, караулить? Кажется, не обойтись без дрессуры! А мы обошлись. И сделали это вот как: мы заметили, что наш артист не терпит поросят. Не кошек, не птиц, а именно поросят. Как только увидит поросенка, готов сразу же броситься. А как следил, как он их караулил! Вот эту «поросячью ненависть» мы и использовали: показывали поросенка нашему артисту, тот замирал, на-

щих и птиц. Из них более семидесяти видов погибли только в годы после первой мировой войны. Это колоссальные потери! А ведь на очереди стоят еще 550 видов животных, которые находятся под угрозой полного исчезновения! Именно поэтому я и вижу все основания для беспокойства о судьбе нашей планеты. И в ее спасении кинематограф может сыграть огромную роль. Государственных мер, какими бы они ни были эффективными, все равно недостаточно... Ужасно, что сейчас стали часты случаи жестокого отношения к животным среди детей. Некоторые из них могут спокойно мучить кошек, птиц, собак, могут зверски убить кенгуру в зоопарке... Я не знаю, как это объяснить... Скорее всего неправильным воспитанием. Если в семье воспитывают любовь к животным, то дети просто не могут быть жестокими. Если с малых лет ребенок живет и воспитывается рядом с собакой, кошкой, птицей, сам ухаживает за ними, то он делается добрее, мягче, менее эгоистичным и уж никому не позволит мучить животное. К сожалению, школьная программа перегружена и у педагогов мало

ТОЛЬКО ОДИН ДУБЛЬ

ну из моего детства: ломовой извозчик бьет лошадь, которая устала, не может более тащить воз. Я пытался заступиться за животное, но что я — маленький мальчик — мог тогда поделать?! Любовь к животным воспитана у меня с самого раннего детства: в доме жили два сенбернара, я рано научился ухаживать за лошадьми. А после школы начались метания: я не думал, что стану кинорежиссером или биологом... Был юристом, потом репортером... В кинематограф пришел вместе с моим лучшим другом Михаилом Пискуновым. Нам как-то сразу повезло: мы стали работать в институте микробиологии, где создавался кинокабинет. Притащили туда технику, получилась маленькая киностудия. Научные фильмы мы делали с начала и до конца: сами снимали, проявляли, печатали, монтировали, то есть освоили весь процесс кинопроизводства. Вместе с Пискуновым мы сняли много фильмов о животных. К сожалению, он умер совсем молодым...

Вообще снимать фильмы о зверях очень трудно, никогда не можешь быть до конца уверен в успехе, предприятие это довольно рискованное. Помню, как, возвращаясь с Дальнего Востока, я прочитал рассказ Ахмада Аббаса «Черная гора». Меня необыкновенно увлекло это аллегорическое повествование из жизни слонов. История поразительная: слон-отец убивает своего сына, взбесившегося слона, чтобы не погибали люди. Замечательная главная мысль: надо бороться с безуми-

который неслся, круша все на своем пути.

— Какое место на земле понравилось вам более всего во время ваших путешествий?

— Всякое новое место нравится тебе, если ты любишь природу. Я с удовольствием жил в Арктике, снимая фильм «Во льдах океана», мне очень нравилось наше житье в пустыне, когда снимали фильм «В песках Средней Азии», хотя жара там была около пятидесяти градусов. Очень большое впечатление произвели на меня Австралия и Новая Зеландия. Поразительный животный мир, изумительная природа, нетронутые еще человеком места — животные там совершенно тебя не боятся, они как ручные. В тех краях я снял фильм «Зачарованные острова».

— Там вам было трудно снимать животных? Ведь при таких съемках любой момент неповторим?

— Да, здесь возможен только один дубль. Кроме того, в документальном фильме о животном мире не должно быть никакой дрессуры. Только совершенно естественное поведение животного ценно для нас. А поскольку мы не прибегаем ни к дрессуре, ни к принуждению, то приходится высиживать, выжидать, подкарауливать животное, чтобы запечатлеть на пленке самые сокровенные моменты его жизни. На это уходит очень много времени, и далеко не всегда результат оказывается удачным. Конечно, есть еще нетронутые места — национальные парки

сторожился, а оператор в это время снимал. Это не была дрессура — просто в ход пошли все привычки и наклонности нашего актера...

— Как вы относитесь к новой тенденции в кинематографе — к «жестоким» фильмам о животных?

— Я снял много картин о животных, и лишь немногие из них кончались трагически. Да, сейчас действительно появилось много «жестоких» лент. Люди спрашивают: «Не опасны ли такие картины, не могут ли они ожесточить человека?» Вообще-то мне кажется, что фильм, кончающийся трагически, очищает, заставляет задуматься. Пусть его тяжело смотреть, но если потом, при новой оценке всего фильма видишь, что в основе лежит верная мысль, вызывающая доброе отношение к животным, любовь к ним, то цель достигнута. В кинематографе надо избегать главной беды — натурализма. Вот это по-настоящему жестоко. Я хочу каждым моим фильмом вызвать самое доброе отношение к животным... Сейчас в мире так много разговоров об охране природы и сохранении животных. Тревога эта обоснована, и говорят об этом не потому, что модно, а потому, что очень многие люди озабочены судьбой планеты. За последнюю четверть века в океане жизнь уменьшилась на сорок процентов. За полвека погибли тысячи видов! На суше дела обстоят не лучше: за последние четверть века на земле погибло сто тридцать видов млекопитаю-

времени на то, чтобы прививать детям любовь к нашим четвероногим друзьям. Вот тут-то и должен помочь не только кинематограф, но и ученый-зоолог, взявшийся за перо. Очень приятно видеть, какой любовью пользуются у читателей книги Акимовского, Даррела, Гжимека — эти борцы за природу не просто замечательные специалисты, умеющие популярно рассказать о животных, они сами настоящие художники. Мне бы очень хотелось, чтобы у нас писалось еще больше книг о животных, снималось много фильмов... Что касается моих планов, то я сейчас вместе с Наной Кладшвили снимаю фильм «Крепыш». Это художественная лента о коне. «Крепыш» заинтересовал меня не только тем, что был знаменитым русским рысаком — его называли «Лошадью века», — но и как поразительное живое существо с невероятно трагической судьбой. Через всю свою жизнь «Крепыш» пронес любовь к одной лошадке и в конце концов погиб из-за нее... Надеюсь, что вскоре фильм выйдет на экраны. А после этого, может быть, будет фильм о снежном человеке — на вполне документальном материале...

Когда я вышла на улицу, день подходил к концу. Солнце медленно угасало, улицы пустели, а лебеди за оградой зоопарка протяжно и тоскливо кричали, чувствуя за окнами своих домиков зиму. Может быть, один из них в будущем станет актером в фильме Александра Михайловича Згуриди?

А. М. Згуриди на съемках.

Фото Г. Байсоголова

В. МОРОЗОВА

Звучит музыка свадебного марша Мендельсона, молодые люди вступают в законный брак, образуется еще одна молодая семья. Гости несут молодоженам подарки: лампы, белье, сервизы, кастрюльки, ложки, плошки — словом, все, что может пригодиться им в жизни, в хозяйстве. Но это — только начало. Дальше молодые должны сами строить свой быт. Как же разумно вести хозяйство, что нужно купить в первую очередь, а что во вторую, как рационально построить свой дом, как правильно распределить зарплату, что купить из вещей, чтобы чувствовать себя всегда тепло, удобно и к месту одетым? Эти вопросы волнуют любую хозяйку. К сожалению, книг по домоводству еще очень мало, да и те, что существуют, не всегда отвечают на все возникающие в жизни вопросы. Вот, например, проблема детских вещей. Известно, что дети наши растут так быстро, что порой не успеваешь купить малышу новую вещь, а он уже вырос из нее. А кроватки, манежи для начинающих только ходить, ванночки для купания, трехколесные велосипеды, коньки, лыжи, игрушки, погремушки — да мало ли вещей необходимо ребенку, пока он растет. Ведь все они в большинстве просто не успевают снашиваться, со стариться. Хорошо, если в семье появляется младший братик или сестренка. Тогда все эти вещи начнут свою вторую жизнь. А если нет? Куда девать эти совершенно целые вещи? Хотелось бы отдать их кому-либо или просто даром, или за меньшую сумму. Но как предложить их незнакомому человеку? Неудобно. Кое-что можно было бы сдать в комиссионный магазин. Но это всегда хлопотно: везти громоздкую вещь через весь город, стоять в очереди, ждать, когда вещь будет продана, ехать потом за деньгами. А самое главное — не все, что у вас есть в доме, принимают в магазине. Такое же положение и с другими вещами: пальто, куртки, платья, костюмы, юбки, блузки, свитеры, шапки, шарфы, туфли, сумки, перчатки, то есть все вещи, которые носит человек, которыми

он пользуется часто не до полного износа. Ведь бывает, что вещь надоедает, или разонравится, или человек так поправится, что все становится не впору, или просто меняются жизненные обстоятельства, и то, что было еще таким нужным вчера, сегодня уже оказывается лишним. Что делать с ними?

Тут еще надо учесть и такой фактор. В традициях нашей жизни покупать вещи дорогие, добротные: «Мы не настолько богаты, чтобы покупать дешевые вещи». Традиция эта досталась нам от наших родителей, которые особенно ценили добротность ткани, долговечность и прочность обуви. Носилось всё годами, а потом перелицовывалось, перешивалось, обновлялось сначала себе, потом детям. Обувь меняли тоже редко. Правда, и сохранялась она лучше благодаря ботикам, галошам, которые почему-то незаслуженно забыты.

Сейчас мода меняется чаще, стремительнее, и мы, как дети, просто не успеваем снашивать свои, порой очень добротные вещи. Или вот, например, годами уже лежит тостер, подогреваемый на костре или на газовой плитке. Костры жечь негде, так как в походы вы уже давно перестали ходить, дачи нет. Нет и газовой плиты — вы переехали в дом с электроплитами... Соковыжималка, купленная, когда ребенок был маленький, сегодня тоже бездействует. Перемыть, очистить, натереть гору моркови, выжать, вложив все оставшиеся после работы силы, и получить один стакан сока — подвиг, который может совершить мать только ради своего растущего поколения. Сегодня, когда в доме только взрослые, делать этого она уже не будет.

Полотер в квартире с полами, покрытыми лаком, тоже уже не нужен. С этими вещами все ясно. В свое время они были жизненно необходимы вам, как нужны кому-то и сегодня.

Еще острее проблема с вещами, купленными просто неудачно, не к месту, с той обновкой, развернув которую дома тут же в ней разочаровываешься. Существует ведь целый перечень товаров, которые нельзя ни примерять, ни обменивать (предметы дамского туалета, некоторые виды трикотажа), а если обменивать, то

в какие-то ограниченные сроки. Так что же делать, если магазин не принимает обратно такие вещи? Передарить друзьям не всегда удобно, сдать в комиссионный магазин — тоже проблема. Ведь там хорошо идут лишь дефицитные товары. Получается заколдованный круг: купить трудно, а продать еще труднее.

До сих пор в моей памяти протяжный, унылый крик: «Старье берем, старье берем!» Так кричали под окнами московских домов старьевщики, покупавшие у населения все ненужные вещи без исключения, вплоть до костей из супа, которые потом шли на производство клея и костной муки. Были на многих рынках и организованные скупки, где ты мог за свои вещи сразу получить хоть небольшую сумму денег. А какая была польза государству... Вот ведь макулатуру, пустые бутылки у нас принимают, гасить свет призывают — это очень хорошо. А то, что горят костры из целой, но уже вроде не модной мебели, мешками выбрасывается из домов обувь, сумки, чемоданы из натуральной кожи, кофты, костюмы, платья из шерсти, шелка, хлопка, — это как будто никого не волнует.

В послевоенные годы старые, надоевшие, но еще вполне пригодные вещи часто отправляли в деревни, чемоданами относили в скупки, в школах через родительские комитеты отдавали многодетным семьям с небольшим достатком.

Многое из того, что мы выбрасываем, бракуем как немодное, можно было бы и обновить, но где?.. Порою вставить новую «молнию» в брюки — целая проблема. А где уж там перекроить по моде мужской костюм, приталить рубашку или сузить устаревший сегодня широкий воротничок! Мастерских таких мало, сроки выполнения работ большие, а самое главное, с чем сталкивается заказчик, это: «Наша машина замшу не берет, так что вставить «молнию», подшить рукава не можем... Пальтовые ткани на юбки не берем... Бархат не шьем... Окраска только в черный цвет, и будет пачкаться... Гофре берем, но стирать и чистить юбку нельзя, будет мяться, если будете садиться в ней... Почистить можем, но цвет

пропадет, восстановителя пока у нас нет». И так далее, и тому подобное...

Словом, «старьем» никто заниматься не хочет. Вот и гибнет народное добро, гибнет дефицитное сырье, человеческий труд, вложенный в производство вещей.

Конечно, существуют пункты вторсырья. Но их очень мало. К тому же вещи там, естественно, принимают уже не как изделия, а как сырье, на вес. Так что сдатчик получает такую ничтожно малую сумму, что ради нее он просто поленится идти куда-то, отстаивать очередь. А «дефицит», который предлагают сдатчикам, можно так назвать с большой натяжкой. Взять хотя бы стиральные порошки. Да, действительно, в какой-то период их невозможно было купить, а сейчас они есть в изобилии во всех хозяйственных магазинах Москвы. Думается, что нужен более разумный подход к проблеме старых вещей. Моя приятельница, например, привезла из Венгрии очень элегантную сумочку, красивой, современной формы, но сшитую из маленьких лоскутков кожи, скорее всего отходов, обрезков. Получилось дешевле обычной сумки, а смотрится оригинально. В Венгрии перекрасила она свое старое, облупившееся кожаное пальто в хороший зеленый цвет. В Москве же ей в течение двух лет объясняли, что надо сначала счистить старую краску, иначе новая краска ляжет неровно, а в мастерских этого не делают. К тому же гарантии, что она снова не облезет, дать не могут. А о зеленом цвете и мечтать нечего — только черный... Не первый год стоит у меня чемодан из натуральной кожи, но починить его не берутся ни в одной мастерской, отдать пошить из него сумки, кошелек или просто ремешок тоже некуда, выбросить рука не поднимается. Но, наверное, все-таки выброшу, как выбрасываются вещи в любой семье. И будут выбрасываться до тех пор, пока проблема «старых вещей» не будет как-то решена.

А необходимость ее решения давно назрела.

Ведь сумели же решить проблему со школьными учебниками. Старшеклассники просто обязаны сдать свои старые книги при получении новых.

Рис. Е. и В. Кашкиных

Рис. К. Рыбалко

«МЕТЕЛИЦА» В АРКТИКЕ

«Метелица» — это название женской лыжной команды, которая совершает трудные, но увлекательные походы в Арктику. Вот и нынешней весной команда проложила лыжню по нехоженным полярным местам. О походе рассказывает неизменный капитан команды «Метелица» Валентина Кузнецова.

7 мая вертолет доставил нас на полярную станцию острова Рудольфа. Это самая северная точка на Земле Франца-Иосифа, и пятеро полярников, работающих на этой станции, несут свою трудовую вахту, отрезанные от людей сотнями снежных километров, полярной ночью, пургой, океаном.

Вся-то станция — десяток домиков, до крыш засыпанных снегом, и метеоплощадка. На улице мороз, а в жилом домике тепло и уютно. И характерная примета Арктики: поет морзянка за стеной веселым дискантом. Мы с восхищением смотрим на полярников: сейчас-то светло, солнце не заходит, а каково здесь жить полярной ночью?.. Хозяйева радостно оживлены: на полярной станции гости редки! Да еще их так много!

До берега Северного Ледовитого океана, с которым завтра нам предстоит остаться один на один на все дни похода, совсем недалеко. На ближайших две недели нашим домом станет палатка.

И вот старт. Нас провожает все население острова: пять человек и четыре собаки. Теплые слова, пожелания... Прощальный салют.

Маршрут этого года частично совпадал с тем, по которому мы прошли в 1979 году, но он воспринимался совсем по-другому. Показав два года назад все красоты Земли Франца-Иосифа, в этот раз Арктика, видно, решила проверить нас на прочность — торосы, разводя, трещины, и все это при минимальной видимости и ветре до 20 метров в секунду, а то и больше. Был, правда, один день, который можно назвать «праздником красоты». Погода была великолепной, снежно-ледовое царство сверкало всеми цветами радуги. Заструги были совсем небольшими, так что мы перестроились в три шеренги и шли, оставляя за

собой уже не лыжню, а широкую дорогу.

Пройдя за 12 часов 38 километров, остановились между изумрудно-голубым айсбергом и мысом Фишера.

В предыдущих экспедициях группа состояла из 6—10 человек, а сейчас на маршруте 15 лыжниц. Даже когда идут по два человека, колонна получается внушительная. Впереди, конечно, штурман — мастер спорта СССР по лыжным гонкам Тоня Егорова. Тоня в «Метелице» со дня ее основания. Она уже вела «Метелицу» в 1977 году, когда наш путь лежал на остров Хейса. У всех такое впечатление, что Тоне известны все кратчайшие проходы среди торосов, все самые красивые айсберги.

Рядом с Антониной Егоровой — «хозяйка Арктики», мэр Диксона Антонина Шадричева. Можно даже сказать, что группу ведут два штурмана — так уверенно чувствует себя она на маршруте. Это и неудивительно. Антонина Шадричева около двадцати лет работает в Заполярье, отличный лыжник, стрелок, охотник. За штурманом идет группа страховки: Марина Томашевская, инструктор по альпинизму, участница четырех высокоширотных экспедиций, и Ольга Аграновская, новичок в «Метелице». Дальше группа может идти в произвольном порядке, но чаще всего идут парами, помогая друг другу на трудных участках пути. Пары подбираются по единству увлечений и интересов. Вот, например, Валя Пономарева и Ирина Соловьева. За ними наши врачи Наташа Козина и Зина Лисеева и наши повара Светлана Александрова и Наташа Тихменева.

Торосы! Торосы! Почти все время торосы. Пробиваемся, штурмуем каждый километр пройденного пути, как кусочек прожитой жизни. Группа вытягивается в длинную цепочку, и главная забота каждого — ювелирное управление нартами, чтобы они не ткнулись в торос, не перевернулись. А это задача довольно сложная, тем более что мы испытываем нарты трех типов...

Май — начало весны в Арктике. Начинается подвижка льда. Встречаются трещины, разводья, полыньи, открытая вода. Вот почему опасно ходить в пургу при отсутствии видимости. Если препятствия вовремя замечены, нужно грамотно их преодолевать. Для этой цели у нас альпинистское снаряжение: веревка, карабины, а также надувные лодки. К счастью, они не понадобились. Особен-

но часто встречаются трещины. Техника их преодоления у нас отработана, все знают свои обязанности, работают быстро и четко, без лишних эмоций.

Опасность представляли белые медведи. На полярных станциях мы наслушались всяких историй о медведях, и страшных и смешных. Усвоили, что намерения медведя нельзя предугадать и лучше держаться от него подальше. Много раз наши пути пересекались в предыдущих экспедициях. Он всегда проявлял большое любопытство, но все встречи оканчивались мирно. Однако на всякий случай у нас было два охотничьих ружья, карабин, пиротехника и самое надежное средство защиты — ездовая лайка-медвежатник Бим, которую нам дали на маршрут полярники острова Хейса. Свежие медвежьи следы мы встречали часто, несколько раз видели медведей вдалеке. Один раз любопытный Миша долго шел следом за нами на почтительном расстоянии. Видно, хотел выяснить, кто такие, но не решился. Дважды медведь подходил совсем близко к палатке. На третий день, когда еще все спали, Таня Ревтова и Рита Чешунайте, проведя утренний сеанс радиосвязи, вышли собирать антенну и пошли к дальней оттяжке, когда увидели, что туда же идет и медведь. Пока Таня поднимала нас по тревоге, медведь уже занялся Бим. Увидев его, медведь остановился с обиженным видом и ушел.

С погодой нам на этот раз действительно не повезло: пурга и белая мгла. Ориентировались мы в основном по компасу. Мы ловили мгновения, когда на несколько минут появлялись береговые скалы островов, чтобы сориентироваться визуально и уточнить курс. Когда же горизонта не было видно совсем, когда бушевала пурга и скорость ветра достигала 20—25 метров, мы ставили палатки, организовывали так называемые дневки, чтобы переждать непогоду, перезарядить пленку, записать свои впечатления в дневники, провести психологические и медицинские исследования, а также наше снаряжение, которое отбирали и готовили Светлана Гурьева и Римма Диденко.

Теперь, когда все позади, можно отметить ровный, спокойный, активный настрой членов команды, доброжелательное, внимательное отношение друг к другу. Не было раздражения, уныния, плохого настроения. Было много шуток, смеха, песен. Накоплен большой опыт лыжных экспедиций, подобран состав команды. Мы ценим возможность собраться всем вместе, чувствовать рядом друг друга. «Метелица» готова к новым походам.

Беседу вела Марина ПОПОВИЧ

Кто
к нам
пришел!

Борис ГУРЕЕВ

У Щукиных наряжали елку. Папа с Оленькой наряжали, а мама накрывала на стол и советовала, что нудно повесить. Где что лучше будет смотреться. Папа высоко стоял, на стремянке, а Оленька внизу, у крестовины; она как раз игрушечного Деда Мороза устанавливала, чтоб он не падал.

— Вот так не упадет? А так? Мама, а взаправдашний Дедушка Мороз к нам в гости придет?

— Конечно, придет, — сказала мама. — Ты весь год так хорошо себя вела...

Тут как раз раздался звонок, и мама пошла открывать. На пороге стоял взаправдашний Дед Мороз в шубе, в валенках, с бородой и с красным носом.

— Щукиных квартира? — хрипло спросил он, заглядывая в каную-то бумажку.

— Да-а! — громко и с деланным удивлением произнесла мама.

— Вызывали?

— Кого? — спросила мама громко и многозначительно улыбаясь.

— Мороза Деда — кого!

— Не-е-ет! — еще громче протянула мама. — Мы Дедушку Мороза не вызывали, — и начала делать гостю знаки бровями.

Намекки,
намекки

Римма ЛИХАЧ

Всякий раз за неделю до Нового года мой муженек заводит старую песню:

— Ну ты хоть намекни, что тебе хочется?

— Слушай, — говорю, — хоть раз купи без намеков. Ведь другие додумываются.

— Тогда духи!

— Ой, только не это! Второго января у нас на работе парфюмерный магазин. Меняемся этими духами. К «Пиковой даме» надо приложить авторучку или шоколадку. Арабские меняются на комбинацию. Один раз мне удалось «Вечер» выменять на выкройку из «Бурды», правда, без картинки. А вот Кукушкина в прошлом году принесла и поставила на самое видное место «Мажи

Рис. В. Казаневского (Киев)

— От контора-аа! — не обращая внимания на знаки, сказал тот и сплюнул в бороду. — Отдают, а? От смотри, видишь? Квартира пятьдесят семь? Пятьдесят семь! Этаж пятый? Пятый! Щукины? Щукины! Вызывали? Ни в одном глазу! Второй раз накалываюсь сегодня. От путают, а!

— Да вы заходите, — громко сказала мама и, устав делать бровями знаки, шепотом добавила: — Да вызывали вас, вызывали... Заходите! — и оглянулась: не видит ли дочурка?

Новогодний гость вздохнул, покачал головой, шагнул в коридор, потопал там, стряхивая снег, и зачем-то снял шапку.

— Ладно, так уж и быть — зайду посмотрю. Умаялся я чего-то такое...

— Оленька-аа! — улыбаясь, позвала мама. — Посмотри, кто к нам прише-ол.

— Это еще какая Оленька?! — нахмурился гость. — Девочка, что ль? Не-ее, так не пойте-от! Уговору такого не было, чтоб девочка.

— Ур-ра-аа! — прокричала Оленька, выбегая из комнаты. — Дедушка Мор...

— Погоди, ребенок, не нагнетай! Во, хозяйка, смотри, видишь? Пятьдесят седьмая квартира? Пятьдесят седьмая. Щукины? Щукины! Оленька? Ни-ни! «О. Щукин» написано — во! Мальчик? Мальчик!

Мама все еще улыбалась, но по щекам ее уже поползли предательские капельки.

— Должен быть мальчик! — заявил Дед Мороз, решительно нахлобучивая шапку. — Есть мальчик — один разговор, нет — я пошел.

— Постойте! Подождите! Там, наверное, просто описка и... и каная, собственно... Олег, ну где же ты, наконец?! Тут...

— Я елку наряжаю, — весело произнес папа, выходя из комнаты. — О-оо, кто к нам прише-ол!

— От это мальчик! Это, я вижу, мальчик, — оживился Дед Мороз. —

Это теперь можно и поздравить. И поговорить.

— Это не мальчик, — сказала Оленька. — Это папа мой.

— А для меня: что папа, что мальчик... Старый я — во! Одинокое это для меня. А с девочками я не умею. Мальчику, ему щелбан дашь — он довольный. А с девочкой — ни в одном глазу!

— Так, может... исправим этот промах? — мгновенно оценив ситуацию, спросил папа и со значением посмотрел на маму. — Может быть, отметим... встречу, так сказать. Праздник все-таки.

— Это мо-ожно. Отметить. Это уж ладно уж, если уж это, то, значит... того...

Выпив шампанского и закусив, гость заметно подобрел.

— Того, значит. Напутали в наряде, выходит. А я, известное дело, с девочками не того... Ну, сам понимаешь...

— Ну, а может быть, в порядке исключения?..

— Исключение-то исключение. Можно и исключение. Для хорошего человека. А вот лифт не работает — это как? А? Подарок-то внизу, а за ним туда бежать, а потом вверх, а у меня пятьдесят квартир впереди.

— Ну, может быть, все-таки, а? А мы вас... отблагодарим, — тихо сказал папа.

— Отблагодарить-то отблагодарите!.. — громко произнес гость. — А в наряде что напишем, а? Исправлять-то — сам понимаешь...

— Напишем: мальчик.

— Во, мальчик. А лифт?

— Давайте я сбегаю за подарком и...

— Сбегаешь-то сбегаешь... — задумчиво сказал гость и вздохнул. — Ладно, уговорил. Давай так. Сейчас вместе спускаемся, я тебе шубу даю, бороду — все такое... Ну и подарок. А ты, значит, давай бегом сюда, поздравить тут от моего имени, все такое и — пулей вниз. Инструмент мне вернуть. Только пулей! А у меня еще пятьдесят квартир, а я — ни в одном глазу.

— Я боюсь кошек! Ты же знаешь!

— А я мышей!

— Ты б еще крокодила принесла!

Скажет тоже — крокодила. Да у нас ванна сидячая! Что он, ножка на ножку усестся может? Два дня муж торчал на тахте, поджав ноги, чтоб кошечка об них не терлась, и, выпучив глаза, следил за ней. Он даже обед там. Надоело мне с подносом таскаться — отдала кошечку одной знакомой, а она мне шезлонг принесла. За него мне предложили огромные искусственные подсолнухи для напольной вазы. Поменялась, а потом вспомнила: вазу-то я давно отдала за сеточку для соковыжималки, ее же купить невозможно. Ладно. Обменяла эти подсолнухи на дверную ручку под старину — морда льва. Все-таки зверь! Прямо устала!

На сей раз решила — все. Хватит. Намекнула открытым текстом:

— Подари мне напольные весы! Теперь все за своим весом следят, и я хочу!

Сказала и вздохнула с облегчением, тут уж никаких вариантов ждать не приходится. Слава богу!

И... муженек преподнес мне гантели! Чтобы не полнела.

Вот теперь меняюсь. Могу предложить в придачу реснички с клеем!

Рис. А. Орехова

Рис.

А. Панасенко

(Белгород)

нуар» за восемьдесят рэ. Просто так, для выставки. Это муж к ней обратно просился.

Муженек поморгал и вновь загудел:

— Что это мне на восемьдесят рэ размахиваться! Я-то не прошусь обратно.

— Ладно, согласилась, купи мне что-нибудь от дождя. — Это я ему на японский зонтик намекала.

Муж, конечно, как всегда, все понял, преподнес мне «болонью». И где он только ее раздобыл!

Выменяла ее с великим трудом на маленький самоварчик, добавила к нему исключительно полезное растение — столетник и заполучила грузинскую чеканку «Девушка в горах».

На следующий год опять пристал: намеки да намеки!

— Ох, — сказала, — так надоело в такой день на кухне торчать! Пригласи меня на обед. Так хорошо заказать все в домовой кухне и быстро накрыть стол!

Думаю, не станет он с этим возиться, сводит меня в ресторан. А он только и учел, что хочу, чтоб быстро, и ослепил меня скороваркой. А по-моему, в ней не борщ получается, а парный венник. Выменяла я эту чертову скороварку очень удачно — на шикарную кошечку. Муж буквально вой поднял:

Рис. Л. Тишкова

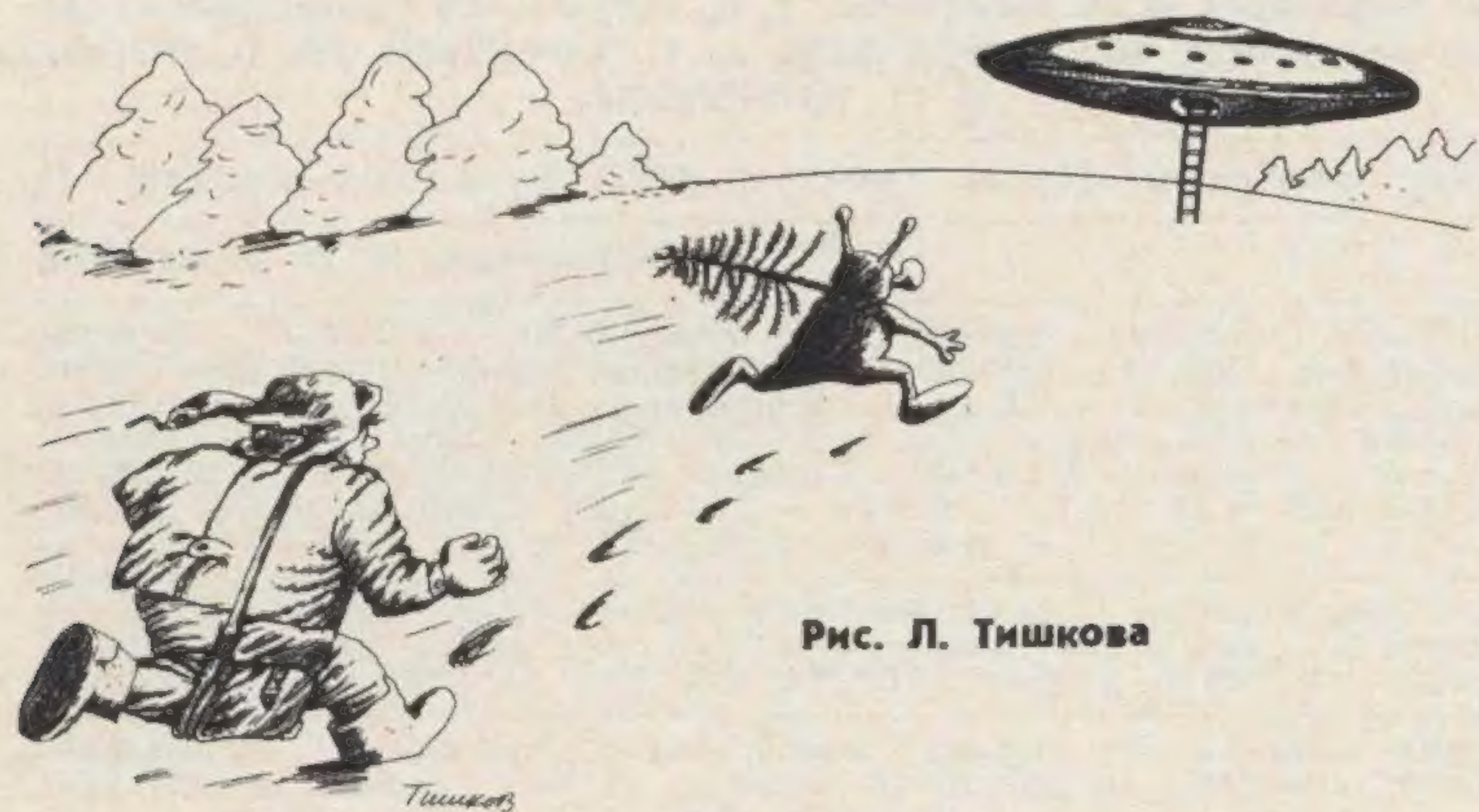

Рис. В. Тамаева

Рис. Л. Сторожука (Харьков)

Капитан команды СССР Валерий Васильев с главным призом турнира — фарфоровым Снеговиком.

СНЕГОВИК ОСТАЛСЯ ДОМА

На пресс-конференции после победы молодой финской команды над такой же молодой командой Швеции тренера сборной Суоми спросили, не тревожит ли его тот факт, что на матче присутствовал президент НХЛ — лиги хоккейных профессионалов — Джон Зиглер.

Этот вопрос вызвал веселое оживление в зале, а тогда наставник финнов сделал вид, что не понимает, о чем идет речь, задавший вопрос журналист пояснил: не может ли случиться так, что наиболее способные ваши хоккеисты окажутся в профессиональных клубах еще до начала чемпионата мира?

Увы, это был вопрос не в бровь, а в глаз. Еще до конца турнира на приз «Известий» стало известно, что 22-летний нападающий финской сборной Кари Ялонен, возглавляющий лучшее звено команды, после чемпионата мира уедет в Канаду. За последние годы более восьмидесяти сильнейших хоккеистов Финляндии и Швеции перешли в профессиональные хоккей, а сейчас заморские вербовщики берут не только проявивших себя мастеров, но и юниоров.

Ну что же, в этих условиях надо признать работу тренеров шведской и финской сборных прямо-таки героической. Взамен уехавших за океан они без устали готовят новых хоккеистов и добиваются многого. Уже первый матч московского турнира закончился сенсационной ничьей: одна

из сильнейших в мире сборных — чехословацкая должна была доминировать, а в итоге во встрече со сборной Швеции (истинно, именно эта ничья и поставила команду Чехословакии на второе место еще до последнего — финального матча с командой СССР), да и нашей сборной также пришлось немало потрудиться, чтобы завоевать два очка в борьбе с молодой командой Финляндии.

Да, европейский хоккей переживает нелегкие времена. Не так-то просто каждый год, отдавая за океан лучших хоккеистов, удерживать высокий класс. И в этих условиях велика роль двух сборных команд — советской и чехословацкой. Вот и пятнадцатый турнир на приз «Известий», проведенный, как всегда, на самом высоком уровне, помог тренерам сборных Финляндии и Швеции проверить возможности всех своих спортсменов, определить, что им еще нужно сделать, чтобы во всеоружии выступить через три месяца на чемпионате мира в Финляндии. Да и нам встречи в Москве оказались очень полезными, и теперь тренеры сборной имеют возможность подтянуть игру своих игроков. А пока сборная СССР, не отдав соперникам ни одного очка, стала обладательницей первого почетного приза турнира — большого Снеговика.

В. ВИКТОРОВ
Фото А. Бочинина

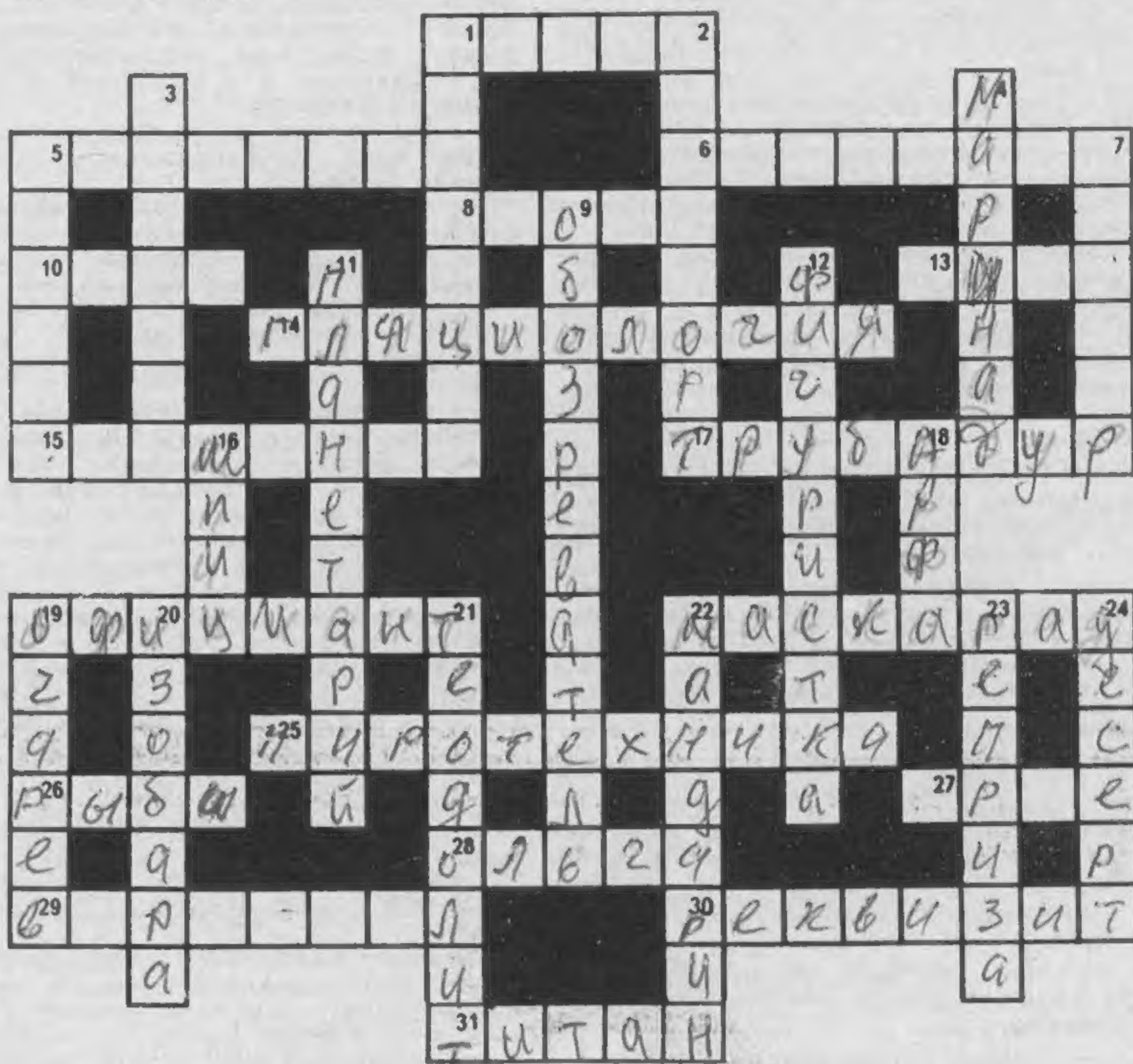
На льду сборные СССР и Чехословакии.

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Опера И. Ф. Стравинского на тему поэмы А. С. Пушкина «Домик в Коломне». 5. Богатырь, герой русских былин. 6. Кинорежиссер и оператор, народный артист СССР. 8. Рассказ М. Горького. 10. Атмосферные осадки. 13. Горы в Греции. 14. Наука о льдах. 15. Постепенное нарастание силы звучания в музыке. 17. Опера Дж. Верди. 19. Работник ресторана. 22. Праздник, бал, на которые участники являются в особых костюмах. 25. Производство огневых составов и применение их в фейерверках. 26. Зодиакальное созвездие. 27. Композитор и дирижер, один из основоположников французской оперетты. 28. Порт в Приморском крае. 29. Большой круг небесной сферы, проходящий через зенит и надир. 30. Вещи, необходимые актерам по ходу спектакля. 31. Спутник Сатурна.

По вертикали: 1. Действующее лицо балета С. С. Прокофьева «Ромео и Джульетта». 2. Внешняя часть гавани. 3. Рассказ А. П. Чехова. 4. Овощи, фрукты, грибы, залитые специальным раствором. 5. Хвойный лес. 7. Город в Индии. 9. Автор статей, сообщений о фактах, событиях, явлениях. 11. Аппарат для демонстрации звездного неба, движения Солнца, Луны, планет. 12. Спортсменка. 16. Пушистая комнатная собака. 18. Многострунный музыкальный инструмент. 19. Русский революционер, поэт, публицист. 20. Линия на географической карте, соединяющая места с одинаковым атмосферным давлением в определенный период. 21. Геодезический инструмент. 22. Цитрусовый плод. 23. Короткий шуточный номер в цирке, на эстраде. 24. Сладкие блюда, фрукты в конце обеда.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 51

По горизонтали: 3. Автомат. 10. Рукавица. 11. Дагестан. 12. Элемент. 14. «Листок». 15. Енисей. 16. Рудбекия. 17. Барламов. 18. Пискарев. 22. Минералит. 25. Рудак. 26. Трибун. 27. Ящерица. 28. Полемика. 30. Институт. 32. Завиток.

По вертикали: 1. Бари. 2. Стог. 4. Трапедия. 5. Медведев. 6. «Пушкину». 7. Масштаб. 8. Устрица. 9. Сараево. 12. Экскурсия. 13. Терракота. 19. Игуменов. 20. Кларнет. 21. Вересаев. 22. Маринист. 23. Одилия. 24. Изумруд. 29. Инза. 31. Сэки.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Участники ансамбля песни и танца «Счастливое детство» Дворца культуры Ярославского производственного объединения «Автодизель».

Фото М. САВИНА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Вот она, «Метелица» * Уверенно ведет команду штурман Антонина Егорова * Часто путь преграждали трещины * На стоянке надо прежде всего установить антенну * Отдых в пути * И снова вперед. (См. в номере материал «Метелица» в Арктике.)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международной — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 07.12.81. Подписано к печати 22.12.81. А 00483. Формат 70 × 108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7.0. Уч.-изд. л. 11.55. Усл. кр.-отт. 18.20. Тираж 1 790 000 экз. Изд. № 3063. Заказ № 1593.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

